

Все на борьбу!

редакция

СМЕНА

1

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЛАВНЫЙ ГОД

Перед нами две выданные в начале декабря 1946 года удостоверения ТАСС из Лондона, Парижа.

«Корреспондент газеты „Ньюс кроунлс“ сообщает о большой безработице среди рабочих в Англии. Более 2300 рабочих не могут устроиться на работу со времени демобилизации...»

Вторая:

«Лондонское радио передает, что три больших автомобильных завода в США сообщили о том, что в связи с застойной горючкой они вынуждены будут в скором времени прекратить работу, что приведет к безработице еще 300 тысяч человек.»

Советских людей не удивляют подобные сообщения, ибо они прекрасно знают, что безработица и нищета, изуродованность и зашатавшиеся даже — в немые ситуации народа в условиях капитализма.

Нализ люди знают также и о том, что, не будь у нас советской власти, не будь у нас социалистического способа производства и морально-политического единства народов СССР, не будь у нас великой партии большевиков, наша страна оказалась бы в результате внешнеэкономического кризиса отброшенной далеко назад, перестала бы быть великой державой.

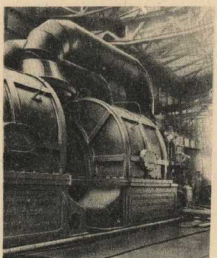
Но тем разительнее послезамечные успехи нашей отечины, победоносие выигранная война. Так же, как и для войны, когда по знаку Сталина шаг в колд полкался в битву против врага, не жалея ничего для Родины, так и теперь советские люди делают все, чтобы быстрее закончить войны, претворить в жизнь истинные стремления предшественников. Не зря был 1946 год. Не так просто преодолеть трудности перехода производства с военных рельсов на рельсы мирного труда. И если, несмотря на эти трудности, несмотря на изнорочные успехи нашей страны, наша индустрия в основном завершила в 1946 году несомненною перестройку, это лишь подтверждает неиссякаемую дилемную силу советского строя.

Трудней, но славный был год 1946-й. Многие наши города и области, крупнейшие стройки и заводо-гиганты разпоротали партия и народ о доере чьем выполнении плана первого года сталинской пятилетки. Это хорошая новость для родной страны, это хорошая встреча знаменитого года выборов в Верховный Совет своей республики.

В индустрии году многие отрасли нашей промышленности значительно увеличили выпуск продукции. Так, валовая выработка в промышленности СССР по гражданской продукции в 1946 году по сравнению с 1945 годом выросла на 20 процентов. Чугуна страна получила на 12% больше, стали — на 9%, алюминия — на 13% больше, чем в 1945 году. Планная металлургия увеличила выпуск меди, свинца, никеля, ванадия. Добыча угля возросла в стране за год на 10%, нефти — на 12%. Производство грузовых автомобилей увеличилось на 88%, легковых — на 26%. Резко возросло производство паровых турбин, специальных и агрегатных станков, локомотивов и т. д. Введено в год в действие около 800 государственных предприятий.

В истинном году страна получила от советской промышленности колоссальную оубун — на 28% и первых трехкварталах на 30% больше, чем в 1946 году.

Собойно радостно знать, что в первый период перестройки, дескать выполненных годового плана, идул славная столица нашей Родины Москва и ее область в горю-тот Ленинград с его обласью. Наши люди горятся успехами индустрии и торговли нашей страны, потому что народное хозяйство Московской и Ленинградской областей имеет весьма серьезный вес в экономике всей страны, но и потому, что эти державные города олицетворяют собой славу России, ее великую организующую

Паровая турбина высокого давления мощностью в 100 тысяч киловатт, изготовленная Ленинградским металлургическим заводом имени Сталина. Турбина предназначена для Сталинской ГРЭС, снабжающей электроэнергией Москву. Турбина сконструирована коллективом инженеров под руководством главного конструктора завода заслуженного Сталинской премии проф. М. И. Гринберга.

Слестарь Ленинградского вагоностроительного завода имени Угрюмова, бывший воспитанник ремесленного училища, Владимир Алексеев. На обработке в сборку арматуры для железнодорожного вагона он выполнял сложную работу на 640 процентов.

Знатный слесарь Герой Советского Союза старший сержант Иван Бочаров, демобилизовавшийся на армию, в короткий срок овладел профессией фрезеровщика. Сейчас он один из передовых производственников Первого подшипникового завода имени П. М. Баженова в Москве. На с и м я м е: Герой Советского Союза И. Бочаров за работой.

и вдохновляющую роль для всей братской семьи народов СССР.

Мы полны чувства законной гордости и тем, что в успехах первого года пятилетки немалую роль сыграли славные советские молодые люди — в первую очередь комсомольцы — коммунистическим союзом молодежи.

Да и как не гордиться этим, когда тысячи наших юношей и девушки показали в 1946 году образцы отваго и мужества и в с т р е ч е с к о м отношении к труду? Каким мечтал молодой Ленин, к кому научили на великой Сталин! Как много говорит нашему сердцу сегодня такие имена советских молодых людей, как доблестный забойщик Писовый Октябрь, ленинский 20-й юрм за смену московский товарищ Павел Выхов, уже вышедший из школы родных юрм: Александр Окозков (иско), которому присвоено звание лучшего сталераза сталинградского завода «Красный Октябрь»; вчерашний студент Иван Проничкин, с Северного Урала, который сегодня ведёт за собой большую коллекцию производителей окисленных рудников, и многие другие!

Самое замечательное в трудовых подвигах советских людей состоит в том, что производственный успех не является у нас удачей одиночке, а становится массовым явлением. Это — стремление к коллективному и политическому активностям советских граждан, стремление, что труд оного делается с грузом коллектива — кованья своей страны, в которой все гудеет, приспаянчивая чужой труд.

Стало это чувство, совершено не только доб страны, желанное искорке в мирной жизни, а становится массовым явлением. Это — стремление к коллективному и политическому активностям советских граждан, стремление, что труд оного делается с грузом коллектива — кованья своей страны, в которой все гудеет, приспаянчивая чужой труд.

Имена передовой советской молодежи подымает комсомол, как знамя, возмущая вперед, и потому размаку социалистического соревнования во втором году замечательной пятилетки. И можно не сомневаться в том, что эти, ожившие трудовые подвиги наши, соборный свой стези новые перенят богатырей — работников всех отраслей советского народного хозяйства, культуры, искусства, науки.

Заворачивание коллективных итогов 1946 года ознаменовалось в нашей стране новым витком политической и производственной активности советских граждан. Это результаты широкого разворачивания предпробной кампании. Наша славная партия большевиков, как и раньше, выступает на выборах в Верховный Совет республик в тесном избирательном блоке коммунистов и беспартийных. Идем они вновь и вновь подкрепляют, что у коммунистов нет и быть не может никаких иных интересов, кроме интересов своего народа.

А народ наш безгранично верит своей партии. Мелкой интригой демонстраций этого доверия и любви является тот замечательный факт, что первым всесоюзным кандидатом в депутаты Верховного Совета республик является именно индустрия в стране имя великого Сталина.

Пусть же дни подготовки и выборов, как и самые выборы, станут еще более яркой демонстрацией могучих сил советского коммунизма! Пусть наступившим 1947 году — году, который несет нам новые, еще более разительные успехи на пути строительства светлого здания коммунизма!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь, № 1, 1947 год.

Год
издания
24-й

ТОСТ ЗА МОСКВУ

Москва
Снявшем вечном озарилась.
В любой дали
Огни Москвы видны
Как полосу чую,
Как отклик слышу
Её большое сердце
В дни войны!

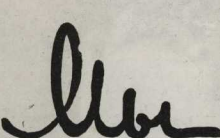
Не раз у стен Москвы
Селых и дрезини
Ломалась
Чужеземное копьё...
Все наши города,
Посёлки и деревни
Прозвоняла
Тосты за неё.

Те забыли,
Что с кремлёвских башен светит,
Веки нас
К боевому торжеству...

Встужи в эпоху
Мирных пятилетий,
Страна с надеждой
Смотрит на Москву,
Мечтой о счастье
Со стомидцей связан
Народ,
Который знает, что в Кремле
Его стремления
Направляют разум,
Всесмертный,
Самый светлым на земле.

Мне так открыло,
Дороги гости,
Что я
Под небом Родины живу
И слышу
В этом новгородном тосте
Вождя, народ,
Победу и Москву!

Николай ПОГОДИН

По счёту времени мы вступили в тридцатый год жизни советского государства, и 1947 год будет отмечен исторической датой — 1917—1947, вневпещившей целые эпохи великих дел, последние невиданных в истории.

Меня, как человека, занимающегося наблюдением жизни людских судеб, всегда неизменно восхищает то, что рождается и вырастает на моих глазах.

Нет, не мой, более раннее, поколение привлекает моё внимание, а эти молодые люди, чья биография сложилась уже в сталинскую эпоху. В этом, конечно, нет и тени чего-то исключительного, мне одному принадлежащего. Но образ жизни и искусства нашего направления и подталкивает нас поближе к людям и делам, ещё никогда до нас не воплощённым в художественные образы, типам и характерам.

Новый человек...

Если бы он, советский, новый человек, дал миру только одно «чудо Сталинграда», то и тогда бы он вошёл в века в образ великого, героического, достойного священной памяти И надо заметить, что и-ра-бозини дать истинное представление людям об истинных причинах несмертных военных дел советского народа, во многих случаях наши победы, начиная с битвы под Москвой, освещались за рубежом как дель чудес.

Ну, чудеса так чудеса... В конце концов, человек, читающий про эти чудеса, может и призадуматься.

— Что за народ, что за страна, где собралось столько чудес?

Он может вдруг припомнить, что и выполнении нашей первой пятилетки тоже происходило чудеса... И, наконец, совсем недавно один английский корреспондент писал о том, что всё, что за год сделано у нас в Донбассе, сыграть-таки можно назвать лишь чудом.

А это, между прочим, и красиво и не требует большой работы мысли.

Чудо — и точка.

И мы сами подчас сбиваемся на легковесные тон «чуждого», когда видим потрясающие явления нашей действительности и, тем же образом, как бы забывшись, за удивительным и ослепляющим сиянием этих новых явлений стоим, как правило, обыкновенные и простые советские люди. А эти люди в подавляющем большинстве своём не любят чудес и не хотят, чтобы их принимали за вымышленных чудачков, которых, сами того не ведая, вдруг взяли и совершили на удивление всем сомнительное чудо.

Челюха!

Существует тайна повития. Есть в нашем человеке потрясающая сила вдохновения, пламенная порыв, безмерное упорство. Это совершенно, как любовь. Любовь не объясняют. Но подвиг, как сама любовь, возникает в реальной, даже очень будничной жизни...

Как всё это, кстати сказать, хорошо списано в романе «Моясья гвардия».

Да, буднич. Что, например, такое табельщина на работе? Это, пожалуй, очень скучно и не сулит никаких порывов... Но

наш общественный уклад вдруг подымает и несёт простую табельщина на гребне волны большого, нового и замечательного движения.

И почи.

В этом простом понятии, понятии чисто народном, уходящем корнями в века нашей истории, в этом слове «почи» таится громадная сила бесконечной жизнеспособности и бесстрашного движения вперёд советского государства.

Внешне почи ироничен и часто ничего особенного собой не представляет. Одна табельщина, Галина Сергеевна да и повела на производство. Бездумный человек прямо так и бухнет: «Получаешь!»

Однако наша жизнь оценивает вещи с иных высот, до которых аналитическому уму или серой бездумности трудно подняться. И почи Сергеевню, как знамя, подхватывают сотни и тысячи девушек и юношей страны. Когда Алексей Стаханов — совсем ещё молодой человек в те годы — спускался ночью в свою шахту, то он, конечно, мог и не знать, как паразитично отклонится жизнь на его почи. Но вот что важно, вот что составляет искру, самую глубокую суть почи — сознательное, умное, государственное целенаправление.

Один иностранец говорил:

— Знаете, что у вас больше всего поражает меня, старого индивидуалиста? У вас не говорят: «Я это сделал». У нас говорят: «Мы это сделали».

Для нас в этом безобразии старого индивидуалиста ничего столь поразительного нет, тем не менее иногда полезно подумать и объяснить самому себе, почему, в самом деле, мы так привыкли говорить, откуда взялась эта давнишняя привычка.

И вот без всяких литературных отступлений, сами собой возникают дорогие и неизменно молодые, дакие уже воспоминания. А между тем какие же они дакие, если мы только подходим к привычке своего «идеалиста»?

Давность, или наша «старина», о которой хочется вспомнить, стодвиинулась в прошлое на какие-нибудь десять — пятнадцать лет, и всё же она — своеобразная старина, и есть в ней акция — аксиде, дальние энергии, — которых ныне именуют «старичками».

В тридцатом седьмом году — значит, десять лет тому назад — на станции Хабаровск ночью ко мне в купе на место выходящего соседа приходит молодой человек с двумя чемоданами и рюкзаком. Обыкновенно пассажиры не особенно приветствуют друг друга, а тут ещё мой спутник до Москвы оказывается чудачком и просят дать ему верхнее место, где у меня постель готова, лежат книги под подушкой и устроены все дорожные мелочи.

Мне кажется он не то полузнакомый, не то полуобливаемый, и переселяется вниз, вбирая в себя антипатию к соседу. И делото — орунда, да и удобно быть на нижнем месте, но мне не нравятся и комоды, голоса у пассажира, и его плохо шитые брюки (брюки дулочками) костюм, и больше донельзя красивые руки...

Славши проводнику билет с подчеркнутой и опытно-таки «томной» просьбой «не будить его, пожалуйста», он сразу же вскакивает на верхнее место, быстро раздается и успокаивается. Через несколько минут он меня догоняет главным образом независимо поединания. Он спит. Я тоже скоро засыпаю, так как после двухмесячного путешествия по границе притомила и наслаждалась благоустроенностью своего вагона.

Через два дня меня берет стеречь и приходит в голову мысль позвать врача, потому что неизвестный мой сосед всё ещё спит и седи просыпается и покидает своё ложе, то делает это как-то адуническим мизером. Я говорю об этом проводнику, но тот с безразличной отмахивается.

— Золото... Погуляла в Хабаровске, а теперь охуживаете! С нами в поезде едет другой «присковый», и он действительно «гуляет», то есть к обеду делается пьяным и потом в ресторане просит меня, чтобы разрешил ему сходить за вас. Тин старый, исчезающий из оттого экзотический, но являю, однообразный, подражающий преданиям.

— Вот отнеситесь и опять завралит, — говорит мне проводник, который тоже живёт будущими в дальневосточных поездах продажными о «миланонщиках», которые умели продать свой миланон между Байкалом и Москвой: старина-магистр — ещё держится в нынешних сказках...

...мой сосед проспал три дня и три ночи, и как раз в начале четвёртых суток, когда путешествуя и расчётах времени, спросил меня тоном старого знакомого, как ему надо поставить часы и не проспали ли мы ещё станцию Байкал, где непременно нужно закупить нам рыбу-омуль.

Тут же сверху слышу, словно поаминный, наречь, и я подумала, о слов проводника: «Сейчас захочет начинать заряд» — и он не захотел. И «присковым» он не оказался. Не то, не то.

Тин и характер новый, чисто современный, который формировался и получал жизненную закалку в годы сталинских пятилеток, — вот чем оказался мой сосед, проспавший три дня и три ночи. А причудливо он к «старичкам» Комсомольска из Акуре и мизеру на Амуре, когда извольного Комсомольска там ещё не было, о свежих диплом инженера, без серьёзной практики и опыта. Теперь же он схап в Москву прослушать цикла лекций, необходимых для его специальности. Он отсылает на завод за технологическую часть отрасли производства, и по этой отрасли пошли новые детали, надо было менять всю технологию. Если бы он застрял на этой новой технологии, то не ушел бы к лекциям в Москву. Одно к другому. Теперь он едет с приятель в кармане. И в вагоне отсылает за многие бесценные часы.

Рассказывая об этом новом характере, я не рассчитывал повлиять читателя каким-нибудь эффектом. Но мне думается, что читателям больше мизер амурских эффектов сказки бы обмороченно руки парил. Он был там, в Комсомольске, землекопом, каменичком, плотником, электриком и даже смешным поваром в своём бараке...

— Что там вы говорите, а тогда мы построили!

Он склонен к смеху, к рассказам о смешном из жизни «старичков» — пионеров Комсомольска, и видно, что отсылались этот здоровый и неусдержимо радостный человек не за бессонные ночи последнего времени, а за годы великого труда.

Что же, разве ему, молодому дипломнику, не было места на действующих предприятиях? Кто поуждал его отправиться в глухой таёжный край? Мне очень интересно допытаться. А он уже не помнит. Как-то так само собой сложилось. Ему тогда пришлось маману долго уговаривать. Противился.

— Ну, вы сами понимаете...

Были при этом и драматические сцены молодости. «Ты меня не любишь». «Нет, ты меня не любишь» — он и она при этом «сталинских реформ». Она не хотела ехать, а он не желала остаться. Он уезжал один, суровый, мрачный, непреклонный... Всё это рассказывалось мне с юмором человека, закладившего характер и знающего на опыте истинную, а не драматическую и тревожащую неопределённость. И всё это есть «священная жизнь», о которой говорила нам Маяковский:

«Ненавижу величскую мертвину,
Обожаю величскую жизнь».

Сталингорск... «Роза ветров» — особенная географическая точка, где ветры всех четырёх стран света встречаются, как на перекрёстке. Тут, по плану наших пятилеток, надо было строить новый город, новые заводы современной жизни, где геологически особенности, поиндому, имеют своё значение. Мне вспоминается такая сцена... Но когда ж это было? Тринадцать лет назад, если не больше.

Помещение строительного барака возобразить себе трудно, но здесь, куда нас пригласили «для ознакомления с бытом и жизнью молодых строителей», живут не строители, а строительницы. Следовательно, этот рабочий барак имел свой колорит. Не только мелочу уезж делал этот барак отличным от простых временных рабочих общежитий. Здесь обитали девушки, которых я в той поре в строительных бараках не встречала. По преимуществу они пришли сюда из средней школы, имели комсомольские билеты и происходили из той городской среды, которая уже никаким образом не могла их выработать «на чёрную работу».

Дель бы правдивый, чист утробный. В поае гукала мотель с номидостивым, дичим воом «рози ветров». А пола было гредом, там тоако обозначалось будуще земаинным и каменным работами.

Мы усмехали прежде воое смех и слезы, соединённые в одну музыку звонких голосов, но выделал голос чистый, ещё по-детски не устоявшийся:

— К чорту! Не хочу! Сегодня же уеду!

Руководителям, ознакамивавшим меня «с бытом и жизнью», складалось незалож. Они, как это часто бывает, хотели бы продемонстрировать «что-нибудь «ожившее», а тут, повидимому, «быт и жизнь» оборачиваются гораздо суровее, чем им хотелось. А между тем суровое и действительное — как раз и есть самое познание, уже без великих кавычек, что и подтвердила потом сама жизнь в этом случае.

Шуленкава на вид, хорошенькая и трогательная своим капризным упрямым лицом девочка-подросток сидела на постоем и промывала слезы. Вот уже в какой раз у неё примерзает волосы к подушке! Она трупной душой воспринимала неприятельные условия строительства и при нас на уговоры сверстниц упрямо повторяла:

— Жди, когда это будет: и город и квартира! Жди сто лет! Но князя строителями во горнила главного. А здание стояло, как потом выдвинулось, в том, что ей «была губкою протиснен» самый вид простой лодыги, а ещё больше она презирала «эти штаны» из брезента и прочее и прочее, что с детства ей не снилось.

Эта сцена, омыренная знакомство с юными строителями, была бы выветилась никак у меня из памяти, если бы мне годя через три-четыре не пришлось снова поживать в Сталиногорск.

Мы с режиссёром С. Югевичем задумали поставить фильм «Орден Ленина». Как раз в те дни была отправленый лужок Сталиногорского комбината, многих строителей наградили орденами, и мы отправились в Сталиногорск. Каково же было моё изумление, когда на встрече с орденосносцами я вдруг узнала ту самую девушку, которая омрачала наше знакомство с обязательными женского барака!

Она носила на груди орден Ленина. Мне была изветен бастионный путь юной строительницы и отличной производственной комбината — Фёдоровой. — и я не хотела припоминать ей тот случай, хоть он и мог выглядеть теперь курьёзом. К тому же она меня и не узнала, да и не могла узнать. Она сама нам рассказывала об этой «первой полосе» её социалистической биографии, причём упоминала и то зимнее утро, когда она, по её воспоминаниям, «пошла до отчаяния».

— Но как же всё-таки?

С большой, продуманной серьёзностью она говорила нам, как постепенно совпадает в человеческом сознании личное и общее, малое и большое, и всё это, конечно, говорилось про

себя, про свой интимный мир. А что до «отчаяния», то она действительно собралась уехать «к маме с папой», и уговоры на неё не действовали, пока ей кто-то не сказал:

— Хороший же ты خواهай пример!

Тут и складилось новое, губавкое, ответственное чувство коллектива, потому что нас говорили люди не «я», а «мы». Это понимание, присущее только советским людям, весьма обширно. Новые, социалистические качества типов и характеров собираются помалу, незаметно, из каких-то будничных поступков, Бывший школьник и пионер стал стыдно позвать лодыжкой пример в своём коллективе, и этот непрямой случай оказался первым элементом в её бастионной современной биографии, типичной для многих тысяч наших молодых людей.

(К слову, мой сценарий в ту пору не улавил и не улавил потому, что я дошла до показавшим и чего змеинным изображениями жизни... признавая, что он хорош!)

Наши социалистические традиции, думается мне, надо не-как в простом и обыкновенном, которое уходит в наше прошлое и составляет огромное обобщённое содержание жизни сталинской эпохи. Очень часто простой, обыкновенный человек, в особенности когда он молод, не видит да и не хочет видеть, как он бывает замечательн, как он хорош!

Мы!

И уже наблюдаемый иностранца поражает этот термин. Приятно. «Мы» как понятие имеет теперь свои корни, оно складывалось в Комсомольске на Амуре, пропало через наши пятиски и с ними через борьбу, жертвы, победы — от первой стройки в Сталинграде до необычайной славы Сталинграда, до знаменитой победы над Берлином — вошло в сознание людей.

Время неизбежных послевоенных трудностей могло бы нас заставить врасплох и безоружными, но буди и в прошлом трудных крепостей, которые всегда оказывались взятыми и назывались «чуждыми». И бесценная ненависть мировой реакции к советскому народу тем и вызывается, что советский народ умеет творить эти чудеса с немалымими жертвами. Писала же Илья Эренбург в одной из своих американских корреспонденций о том, как ему говорила один капитанский, что нас-де надо бить, пока мы не преумножим своего благоосостояния... по шпергоферу. Приумножили! И не только по шпергоферу. И мы, капитанский, повидимому, уже прекрасно осведомлены в этом вопросе.

Хоч и размах советской жизни уже в первый послевоенный год давал пример нового движения вперёд. Сиова, как десять и пятнадцать лет тому назад, как в годы неизмеримых военных испытаний, снова новое беспримельное смыла решить новые производные задачи. Мы можем с гордостью говорить, что наши социалистические традиции переходят из поколения в поколение и составляют сущность и содержание самого простого и обыкновенного в жизни.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ВОТ ТАК БЫ НАМ, ДРУЗЬЯ, ВСЕГДА!..

Пришёл на поводный бал
Весёлым паренёк.
Он очень кн и ростом мал,
Хотя в плечах широк.
Костюмчик новенький на нём —
Разглажен каждый шов.
Девчата пошутят крупом:
— Так вот герой какой!
Герой не сводит с ёлки глаз,
Начала танцев ждёт.
— Скажи, дружок, который раз
Встречаешь Новый год?
А он обижённым баском
Мне говорит в ответ:
— А разве только дело в том,
Что восемнадцать лет?
Чужих годов я не считаю
И сам шагал вперёд.
В году прошедшем я встречаю

Три раза Новый год.
Тут все кругом: — Да что? — Да как?
— Да как же ты сумел?
А на загадки он мастак!
И в разговоре смеял!
— Ну, что ж, хочите, расскажу.
Пока оркестр затих?
Я так станок в руках держу,
Что стал он быстр, как вихрь.
Я в мае план свой годовой
Заключил в первый раз,
А в сентябре — уже второй,
И третий — вот сейчас...
И танцовщица пошла пострел
В лодыжку кутермы,
На слесарёнка я смотрела,
Завидую ему:
Вот так бы нам, друзья, всегда
В работе обогнать год!

РУДИК КЫЗЫЛДА

Рассказ

Н емцы бегут на запад; мой полк уже шагает по Восточной Пруссии. Обойду пройти большой путь и остаться от гомариной в самом конце «Вот не повелось!» — думаю я и чувствую себя в госпитале несчастным.

Кто-то спонет, кто-то зовёт санитаря; в палате колодце, самодельная лампа коптит, и кровать кажется неудобной, и тело замужило в гниесе, и хочется кричать от досады и боли.

Приему в такую ночь мне вспомнил рудник Кызылдаг, но знаю. Я вообще не думал о нём больше четырёх лет.

Незадолго до окончания института, ещё перед войной, я провёл на Кызылдаге короткую производственную практику. Мои студенты, тогда возмужавшие, двенадцать дней ехали туда — обратно, в лаг руднике нежить и посматривать. Незначительный кустарник, рудник Обыкновенная митшловка. Так мы и жили, недолговыми. Вскоре же началась война.

Медленно тнуится в госпитале чьясь ноша. Ни спуску. Мысли плывут, как мыльная пена. Мерещится странная крошечка из дождливых планок на выгатах и шарнирах. «Хорошо бы — думаю, — лежать на такой!» Плынут в памяти лица знакомых солдат.

А под утом скорее привиделся, чем вспоминались, рудник Кызылдаг. Ярое сияние тебю. Море, покрывающее золотой солнечной сеткой. Выход на море, правый береговой склал, выходят устье главной штольни. Как толково гисало, в скалах прилепился пещ Жилда, в ней выпалывают серу из добытой руды. По этому маленькому кряжу, нависшему над морем, от штольни чешь тнуит трамвайный пичок рельсов. Вагонетка с рудой сама катится под уклоном; за вагонеткой идёт откатчик, морщит от солнца загорелое лицо, пот бегит на щеках, тельняшка чешь шелестит от волнозвучья.

Я забыл и войну, и госпиталь, и свою изуродованную руку. Палата наполнялась шумом морского прибоя. На ярылом с откатчиком чешьте себя подвигали, как шариком. От солнца жарко, хорошо. Визу рассыпаются зеленчатые волны; ветры уносят лёгкий туман.

— Вы спите? — приближается вруг белая косинка дежурной сестры. — Время лекарств принимать. Вот, пожалуйста, ложечку.

— Ну вот, разбудили! — сердито вочу я. — Не надо, выходяй иза. Дождевая вода.

Она отправила на мне одеяло и ушла. Стало тихо, тепло, глаза сами закрылись, и я проснулся уже полдню утром. Санитаря разослав в пичок, на худое ощущение праздника. Почему бы это? «Ах, да!» — вспомни я и даже засмеялся от удовольствия. Опять в памяти оживля: выходясь в кинках дорожка между полей и штольней, площадка перед пещью пещ Жилда, спуск к морю и катер «Дельфин» — мальчишья грузовая катер, каждый день приносящий крепчайший лес и увозающий жёлтые бруски выделанной серы.

С тех пор мысли о Кызылдаге стали моими любимыми мыслями. А когда кончилась война и я отпустил без особенного раздумья: на руднике Кызылдаг.

Хорошо сидеть на нагретых солнцем камнях. Косий бегитесь. Кинду миллионыи колёсильных зердал в думе дремоты и тишины. Земля, как корабль с голубыми парусами, плавно скользят в сияющем пространстве.

Одждаете, товарищ Юрия?

Передо мной директор рудника. Я по-военному вскакиваю:

— Да, Фёдор Николаевич. Сел отдохнуть.

— Так... — Мне почему-то неприятно. «Глушоты, мальчик я, что ли? Захотел посподать в сел. И я нечто тут особенного нет».

— Куда из шахты посподает рудник, — пожимаю, говорю директор. — Опять бригада Дзятбисева работает?

— Так точно.

— В шахте только?

— Я переминаюсь с ноги на ногу: — Не была ещё, Фёдор Николаевич. Думал, познее зайду.

— Так-так. Ну, а в пещи что?

— Первая и пятая камеры под загрузкой.

— Вторая? — он улыбнулся тяжёлой, укоризненной улыбкой. — Вторая загружена как обыкновенная.

— Третья? — он под загрузкой третья.

— Смутнившись, я иду выхода из незлоного положения:

— Совершенно правильно. Фёдор Николаевич. Первая... Да, так и должно быть. Вторая загружена, стоит под загрузкой третья. Пятая... да, совершенно верно... третья...

— Слово вышло, я влетел провинившись собачь. Директор смотрит на меня почти с любовью. Я чувствую себя скверно.

— У пещи вообще сегодня бы?

— Недавно отгудал, — говорю, — совсем недавно. Не знаю, перенула номера. Да и не в номерах дело...

— Не в номерах, — соглашается он.

«Ах ты, думаю, — неудобно как поучился! И ведь мало же!»

— Разрешите спросить? — осеняет меня мысль.

— Давно собирались узнать: откажется ли когда наш рудник от подземных работ?

— От подземных? — удивляется он. — Рудник?

— Мы же работаем кустарно, Фёдор Николаевич. Это не секрет. Добываем руду под землёй, тнем её на поверхность, плавам в пещу. И стыдно сказать: иногда топина — слышно!

— Топина? — удивляется тонны серы, третию скрягаем. Пещ Жилда.

— Я уже подкрепляю пещ бойкими жестами. Директор закуривает папиросу, шурит и спрашивает: что за землетрясение?

— А вы что предлагаете?

— Словом Фраша! — вдохновенно восклицаю я. — В Америке всё сера добывается только способом Фраша! Не надо людям работать под землёй. Прямо с поверхности — бурюю скважину. Труда — переругую воду, сера плавится прямо под землёй и сама вытекает из скважины, что связывает и трубом. На нашем же руднике все усложно!

— Вот вы какой! — патриот способа Фраша, — смеётся директор.

— Слыш, — я же все усложно...

— У нас всё — спрашивает он медленно, перестаёт улыбаться.

Он давнн меня пристальным взглядом, и я не выдерживая, отворачиваюсь.

— Мы терев в пещи тридцать процентов серы, — говорит директор. — Это без наша и забота. Американи при способе Фраша теревт под землёй семидесят пять процентов.

И мы плавимся. Ухмыляясь, вырвад — я задум. Вызвал самое ценное, чештьцу, а остальное — ладно. Вызвал самое ценное, чештьцу, а остальное — ладно. Вызвал самое ценное, чештьцу, а остальное — ладно.

— Хичиштую, — говорю я.

— Вот-вот. Об этой современной технике вы и слышуете?

— Я вообще чело узнать... Фёдор Николаевич, — растерянно бурчю я.

— Вам, молодому инженеру, лучше прежде всего подумать: мы сможем в будущем. Канистам всё равно, а мы не кангалатаи. Понятно вам?

Я молчу и прячу глаза.

— Многую вам ещё надо узнать... безжалостно тннет директор. — А главное, работаете пещ. Небольший рудник до сих пор не охватили. Вы не обижайтесь, я говорю для вашей же пользы. Может, вам что мешает работать?

— Нет, — отвечаю деревянным голосом, — ничто не мешает.

— Здоровье ваше как? После ранения вполне поправилось?

— Хорошо.

— Говорить я уже не могу: меня душа отобла и стыл.

— Так вот, товарищ Юрий. Обдумайте. А руды из шахты идёт тринадцатая. Есть там такой прослойк серой глинны. У Дзятбисева это не первый раз. Сначала нужно глинны выкинуть, потом брать руду. До свиданья.

Он криво поворачивается и уходит. Я не двигаюсь. Что же теперь — приглаго мой мысли, — бешать, что ли, куда? Точно грязной тряпкой по лицу! Вспомню. Нет, не вспоминаю, да всё равно. И ведь сам виноват! Сам виноват! Не надо было начинать!

Ветер доносит от пещи Жилда острых запахов горшей серы. В глазах отражённое море солёное. Однообразно несётся волны.

«Ага, вы так сытаете!» — вспоминаю я — Рудника не охватил? Работают полку! Подумайте, не спрашалось с какам-то Кызылдаг! Я вам ещё покажу! Её вы увидите!»

— Со стороны покажет идёт девушка в синем рабочем комбинезоне с золотой парной тибетке. Она несёт чемодан. Сама маленькая, а чемодан большой. Она перенулась всем телом и высоко откинула свободную руку. Это Делья, избранный.

— Зарастываете? Делья. Что несёте? — спрашиваю я.

— Ах, это вы? Зарастывает. — На комбинезон жалуете меня. «За победу над Германией». «Удацка!» — думаю. — Рабочей одежде приценила!

Она ставит чемодан на землю и вытирает вспотевший лоб руками. Я чувствую, как тяжело она дышит, и жончу ей помочь.

— Мне близко, — застенчиво улыбается она. — До пещи Жилда. Я могу сама, спасибо.

Я отворачиваюсь, чтобы не смотреть на крутые шагами иду по дорожке. Дорожка узкая, ридом илти неудобно, Делья бежит вперёд.

У пещи на меня обрушивается смешный мастер Арутин:

— Посмотри, пожалуйста, товарищ инженер! Посмотри! Глины всё пещи забыли. Глины руды из шахты пошла. Серы нет, глины будем плавить, да?

Он возмущенно поносит к моему лицу куски руды, густо облепленные глиной.

— Делья, спрашиваю я, — сегодня анализ руды делали?

— Смотрю, её нет. Она уже всё по крыше над пещью, прямо к трубе.

— Делья! — кричу я. — Осторожно! Она локко забрасывает в трубу конец длинной резиновой трубки, другой конец сбрасывает: из землёю и спускается с крячи.

— Какого сегодня анализа, Делья?

— Серы — сорок два процента, глины — пятнадцать процентов.

«Ох, — думаю, — Дзятбисев, Дзятбисев! Го делу ты с меня снимаешь!»

— Небольший рудник до сих пор не охватили. Вы не обижайтесь, я говорю для вашей же пользы. Может, вам что мешает работать?

— Нет, — отвечаю деревянным голосом, — ничто не мешает.

— В шахту сойдё сейчас. Я им задам за эту глину!

Арутин безнадёжно машет рукой. Делья сидит на корточках у раскрытого чемодана и присовокупляет сброшенный сверху конец резиновой трубки к стеклянному крану. В чемодане слышатся бортек, термометр, цилиндр.

— Что это тут? — спрашиваю Делью.

— Выдите, — она поднимает голову и смотрит снизу вверх. — Главная выходяй скала, ридт снизу вверх.

— Небольшой рудник до сих пор не охватили. Вы не обижайтесь, я говорю для вашей же пользы. Может, вам что мешает работать?

— Нет, — отвечаю деревянным голосом, — ничто не мешает.

— Не знаю, почему-то смущается она. — Придумала... как показало лучше.

— Не знаю, почему-то смущается она. — Придумала... как показало лучше.

— Не знаю, почему-то смущается она. — Придумала... как показало лучше.

— Не знаю, почему-то смущается она. — Придумала... как показало лучше.

— Не знаю, почему-то смущается она. — Придумала... как показало лучше.

— Не знаю, почему-то смущается она. — Придумала... как показало лучше.

— Не знаю, почему-то смущается она. — Придумала... как показало лучше.

— Не знаю, почему-то смущается она. — Придумала... как показало лучше.

на карте, а как назву — на высоких скалах: справа — печь, заводские здания, подьёмники, трубы, а слева — белое море в зелени, пальмы, и к морю спускается широкая кинаросовая аллея. По карте по все стороны жёлтыми пунктирами выделены брусочки вылавленной серы. Самый уличный, самый заметный пункт, конечно, с Уралом. А потом, на втором месте, — от нас. «Да...», — вспоминаю, — ещё инквизитор. Приземистые ступенчатые бугорки, ослепляющие новыми скалками, тоже относятся от Кызылдага на север. И технологический процесс идеальный: без загарты топлива и без потерь.

Точно шедевр спала с души. Все теперь вижу, всё понимаю. Оазис над морем. Будет вода, зазеленеет садик. В душе, где то вижу, ещё пишется стад, а сверху — инквизитор.

— Фёдор Николаевич, — мой сердце бьётся, — следом большой Кызылдаг! Замечательный будет рудник!

— Ну, а чье добрый? В час добрый!

— Нам с вами, — уходит ко мне Белковский, — теперь особенно надо поработать. Если что надо, не знаете, забываете, не помните. У меня есть литература, справочники. Вместе рассудим, разберём...

Его улыбка становится приветливой, простой, даже немного застенчивой. Режиссёрщина прямо дождёт на его губ; на висках седина. Он трогает пальцами пуговицы моей гимнастёрки. «Ах, вот вы какой, — думаю я, — извольте, и мой щёк впоследствии догадуются. — Какие же они хорошие все люди!»

Тропинка круто повернула влево. За поворотом открылось море, сиявшее в синее, как и вчера. Рядом со мной идёт Ригица. Сегодня он кажется старым другом, будто мы жили вместе долго и кинули ещё одного козлака.

— Юрий, — говорит он мне, — я тебе совет дать хочу.

— Зови меня Михаил, — расчувствовавшись, прошу я.

— Хорошо. Так вот, Михаил, слушай! Преню ты человек. Только неустойчивости у тебя мало. Ты нужен бери, конкретнее. По поводу работы... Кстати, ты в шахту? Мне не по пути, я по скалам поеду. Новые площадки посмотрю.

Ригица останавливается и снимает фуфурку. Лишь у него широко, глаза светлые, взгляд прямой. Весь он мускулистый, плотный.

— Так по горному делу? — спрашиваю я, заинтересованный.

— По горному. Смотри, пассажирский, — показывает он на пароду у горизонта. — И не только по горному. Всё сейчас в производительность труда упрётся.

— Это как?

— Что как? — он переводит взгляд на меня и слонднет брови. — Производительность должна расти вровень с техникой и общим уровнем предприятия. Если не сумеем обеспечить другого переводом, просто ждём, как выхитит на меня Кызылдаг. Вот ты об этом подумай!

— Обещаем, как ещё обещали! — улыбаюсь я, и мне снова легко на душе.

— Смотри, Михаил, — строго говорит Ригица, — не сплывай!

Он уже лезет вверх, придерживая руками за пояс; медленный небесный спускает на пол его ноги. Я глажу ему затылок, потом от полноты чувств щёлкаю пальцами и иду к устью штольни.

В штольне темно и прохладно. Перед глазами блещет черепашь отлив шахтёрской лампы; всё остальное сливается в сплошную чёрную тень. Ножом подсвечиваю, чтобы глаза отвыкли от солнца.

Здесь почему то мысль идёт ниже. Становится тревожно: а вдруг не справлюсь? На самом деле, я вдруг не справлюсь? Доверили, возложили на меня. Вручили ведь всё, как будто да кайлом. Много ли наработать вручили?

Кто то идёт по штольне. Со стороны входа доносится голоса, приближаются огоньки двух

ламп. Вот они уже близко. Лампы висят на груди; у каждого в руке по ведру. Зачем вода понадобилась в шахте?

— Дьяфаров, — наконец, узнаю я. — А тот, второй, — Кулеев. Зыбобийки. Хорошие за бойбикни.

— Привет, — говорит. — А зачем вода?

Они быстро обменяются непонятными словами и ставят ведра на почву. Кулеев выстучивает вперед и наклоняется к моему уху.

— Хотим, — говорит он таинственным голосом, — гнуть мыть. Ай, хорошо будет!

— Как, — не понимаю я, — гнуть?

— Посмотришь, давай пойдём, посмотрим!

От штольни влево отделился ступень; ещё дальше ступень переходит в выкопанный, полого возвышающийся лабиринт. Ступит лопаты и каленым зыбобийки работают, как обычно. А эти двое вздумали гнуть мыть. Зачем?

Рис. Д. Пивоворова

Море от берега до горизонта сверкает миллионами колеблющихся зоркал...

Вилку — это уже корот знает что — стоит в забое железная двухдустотинтовая поварная бочка. Ей место не в забое, а в штолке. И рядом лежит гидроузел «Костылы», ручной поварской насос.

— Нельзя поварный инвентарь трогать! — возмущаюсь я.

— Можно, — дерзко отвечает Кулеев. — Пожалецте, сморни.

Дьяфаров поднимает «Костылы», бросает всматриваясь рукав в бочку и начинает качать. Кулеев хватается брашпилью и бьёт струей воды в грязь забоя. Ледя брызги. Я отступил назад и не могу прыгнуть в себя от неосознанности.

— Сморни! — кричит Кулеев по внезапно наступившей тишине.

Дьяфаров выключает насос, берет все столешки вокруг. Несколько ламп одновременно гаснут к месту, куда только что была водная струя. Там, где была глина, теперь видна глина, глубокая и ровная. Совсем голый шруб.

Все молчит. Я захлебывался в потоке мысленной и серной кислоты, и большой Кызылдаг, и вот это необыкновенное дело. В две ступени можно сплавить глину отмыть, потом струей подавать — насос надо мощней — да по руде! И вода и руду отобьёт. Человека — да

справится вместо двадцати. «А ведь это неслыханная удача, — возмущился я, — неслыханная победа!»

— Кулеев! — кричу. — Дьяфаров! Пошли! Я не иду, а бегу. Они еле за мной успевают. Вот штольня кончилась — сошине сленит глаза, вижу море. «Еще чуточку, — думаю, — ждуть в постройки общего водохранилища. И морская вода до годится. Насосную станцию.»

Навстречу идёт Ригица. Криву ему, запыхавшись.

— Поворачивай! К директору! Пойдём раскажу!

Не могу отбить, а мне поручили подготовить большой набор по гидроотделам. Главные — всё успеть и не пропустить. Во-первых, давление и раскол воды. Получить режущую струю. Во-вторых, деревянный жолоб, чтобы руда вместе с водой сама пошла по штольне. Хорошо бы и отпущу в магнетитовых узлах. Вся работа переложим на насосы.

Я стою на площадке перед штольней. Голова кружится от множества забоев. «Альда» ушла в далай рейс. Она привезит железные трубы, песколовник, рудосборник, центрифуги, насосы и материалы. Всё это обещано: директор сам говорил по телефону с Красноовком. Завтра всё будет уже здесь.

Над морем, у самого берега, шумно работают плотники и слесари: готовят крепление для труб, которые столбом поднимутся от моря к штольне.

— Майна! — произвольно кричит человек в мохнатой меховой шапке. — Майна помуду! Выра!

Я взглянул на бревно, повисшее над пропастью, и сам сравнялся с местом.

— Лебёду далеко тянь, к краю лебёдуку! — кричу. — Канатом бери, опускай! Трави! Тяжёлое бревно сдвинуться и плавно пошло вправо обрину. Тут за спиной женский голос: — Миша!

Ляля! Она кивает головой и внимательно на меня смотрит.

— Фёдор Николаевич велеть передать: вам нужно звать к нему. Телеграмма пришла из Москвы, на главок. Вас касается.

— Меня?

— Вас. Переодит вас на работу в Москву. Я меняю в лице. Отбывает теперь от Кызылдага? Без меня, значит, будет и гидроотбойка и всё другое? Нет, не из за что!

Ляля смотрит немигающим взглядом: — Разве не рады?

— Не поеду никак! Понято? — набравшись я на ись. — Ни-ку-да! Здесь всё место, здесь и работать буду! Понято?

— Не сердитесь, Миша, — смеётся она и китро блещит глазами. — Телеграмма совсем о другом. Никогда вам ехать не нужно.

— Ляля! Правду говоришь?

— Понятия, понята, усложилось. Знаете, что в телеграмме? Ничего особенного. Что то такое: «Расходы разрешаю, приветствую инициативу». И ещё: «Дьяфарову и Кулееву, Юрию обещано балластеры».

— А я, — говорю, и стараюсь казаться незаинтересованным.

Из штольни под углом шумно катится вагонетка с рудой. За вагоночкой торпедоно шагает откатчик. Вилку, как его лицо гурмет от солнца, как блещет на его висках пот, как шепелят от ветра его непокрытые волосы.

Ляля улыбается и валькает: — Майте, Вас Фёдор Николаевич ждёт.

Она стоит рядом — маленькая, загорелая, а несущая.

Я шутливо отдал ей честь, по-строеном делая «кругом» и уложу, не оглядываясь. Солнце меня греет, теплым бризом скользит по лицу ветер. Вилку рассматриваю, впадающие волны; море от берега до горизонта сверкает миллионами колеблющихся зоркал.

Змеёй вьётся над морем тропинка. Сначала море пологая стремительная, урлуга, потом шагит, становится медленнее, пологаясь. Мелководно спускается усталость, блаженная, радостная, как мягкая, полупрозрачная завеса. Я останавливаюсь, прогибаясь перед собой руки, смотрю вперед, считаю шагившие волны.

Причудливо нагромодились и дышат теплом розовые камни.

Сталь, труд и техника комсомола

Фото Г. Борисова

«ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТЬ»

За столом трое: молодая худощавая женщина с высоким лбом и упругой складкой у затылочного гребня, юноша в защитной гимнастике и девушка — светловолосая, с улыбающимся лицом.

Первая — секретарь Сталинского района ВЛКСМ Москвы Надежда Ивановна, остальные — члены бюро.

Надежду Ивановну хорошо знают в районе и, что самое главное, уважают. Внимательный, приветливый взгляд встречает каждого входящего в кабинет секретаря. Все находят здесь помощь и оперативное разрешение волнующего вопроса, будь то область сельского производства, биты или совсем скромная проблема из личной жизни комсомольца. Надежда Ивановна быстро схватывает суть дела, отвечает на всё ясно, просто, искренне-равно. Соединение простоты со скромностью всесторонне образованного человека характерно для Надежды Ивановны — юная молодёжь.

— Кто на бюро райкома от фабрики «Красная заря»?

— Входит юная коренастая девушка, смущённо вытирает ступню, первую точку опора, неуверенно садится на ногу, подбавляя платье. С ней секретарь комитета комсомола фабрики.

Комсомольская организация фабрики «Красная заря» решила принять в ряды комсомола Клавдию Кабанову, и сегодня она предстала перед бюро райкома.

Надежда Ивановна слушает девушку, подбавляя ей теплым взглядом. Кабанова сдерживается с волнением, чётко отвечает на вопросы секретаря.

— Хочу служить Родине, — говорит она. — Хочу быть в рядах передовой молодёжи — в рядах Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи.

— Есть предложение принять, — говорит Ивановна, делая пометку на анкете, и Кабанова расцветает улыбкой.

— Поздравляем тебя, Кабанова, — говорит секретарь райкома. — Поздравляем и желаем успеха!

... У дверей взволнованный шолоп. Пауза. Затем появляется раскрасневшаяся девушка в короткой форме с пионерским галстуком. По школьной традиции она встаёт, когда к ней обращаются. Это Равка Бачкова, ученица шестого класса 484-й школы. Вместе с ней вступает в комсомол и другая отличница этой школы — Ницель Хаорова. Вслед за ними райком принимает в комсомол сестра фабрики «Декоративная» Виктора Чертаева. Молодёжь своего предприятия он известен, помимо прочего, и как хороший лыжник и отличник танцов.

— Вот и используйте вас для выступления на избирательных участках во время кампании по выборам в Верховный Совет РСФСР, — шуточно говорит Ивановна.

Десятки молодых людей возвращались в этот день из райкома с только что полученными новыми комсомольскими билетами. Свежие силы активизались в комсомол, познанный безмятежной преданностью Родине в годы Великой Отечественной войны, идущий в первых рядах строителей мирного времени.

В Сталинском районе в комсомол вступило за последний месяц свыше 200 человек. Это молодые стахановцы заводов и фабрик, выполняющие великую программу нового пятилетнего плана, школьники и студенты-отличники. Молодое сталинское племь!

ТЕ, КОМУ ВЫПОЛНЯЕТ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН

Двадцатилетних ткачих-стаханок Галину Мировую и Клавдию Скворцову звали в районный комитет комсомола. И точно назначенное время они были в приёмной секретаря.

Комсомольская бригада шелкоткацкого комбината имени Щербакова, где работают Мировая и Скворцова, уже выпустила сотни тысяч метров шёлковых тканей сверх плана.

— Как рационализировали вы свой труд, передайте их опыт другим рабочим? — спрашивает девушка инструктор райкома.

— Для нас главное — беречь каждую секунду, и мы берёмся. Да, кроме нас самих, об этом заботятся и наши «детишки» — станки; они не терпят медлительности и рассеянности.

К беседе присоединяется девушка со смуглым выразительным лицом. Это секретарь комитета

ВЛКСМ трикотажного комбината Халылуяна. В душе инновация молодых трикотажников — социалистическое соревнование двух комсомольско-молодёжных бригад, возглавляемых Коробайем и Зайцевым. И в той и в другой бригаде — замечательная молодёжь. В конце месяца вперёд планируют план владелица Ольга Чернир и многие другие стахановцы.

— А в общешкольной — парку изменит тему разговор Халылуяна, — сейчас тепло, светло, уютно. Так и тянет туда после работы!

И она с увлечением рассказывает, как преобразовались раньше уютные, холодные обители, где жила 70 работниц комбината. Комсомольцами сами занялись за дело и превратили его в центр культурной жизни молодёжи. Здесь собираются теперь кружки по изучению Конституции СССР и Уставу ВЛКСМ. Оказывали прощали последние беседы о великих традициях нашей партии и Ленинского комсомола, о комсомольском билете.

ОБ ОДНОЙ ШВЕЙНОЙ МАШИНЕ

В 1941 году комсомолка Ратникова, работница моторостроительного завода, была здоровейшим на фронте. Всю войну она провела в Действующей армии, в санитарных отрядах.

Шёл жесточайшей бой за один населённый пункт. Санитар Ратникова, выносящая раненых с поля боя, не помнит, как сама она очутилась в холодном госпитале. Много дней провела она на госпитальной койке, борясь за жизнь. И она выжила. Но ранение ноги не могло уже больше служить, как прежде. Девушка згрустнула: замечательная жизнь для неё — а теперь невозможно.

— В райком входит пожилая женщина и робко опускается на стул впереди, не зная, куда идти дальше. Слева она различает надпись: «Секретарь РК ВЛКСМ». Разве знает, к кому? Дочь посидела в райком комсомола: «Плохо, мама, расскажи обо мне, объясни, что мне тяжело, спроси, как нам жить, когда нет отца, когда ты уже не можешь много работать...»

Размыслила матери прервал приветливый голос. Перед ней стояла молодая женщина, чем-то напоминающая её собственную дочь, в такой же простенькой вязаной кофточке, с опрятным белым воротничком.

— Вы кого, матушка, ждёте?

— Я пришла вместе с дочерью, инновация Отечественной войны. Может быть, и неправильно пришла, но она меня всё послала: пойдти, говорит, в райком комсомола.

— Подходите, сатущика, в комнату и расскажите всё по порядку.

В следующий раз мать инновация Ратниковой шла сюда с тёмным чувством возросшейся в душе надеждой, что не всё ещё потеряно, что дочь сможет работать, сумеет быть полезной, перестанет сжигаться с тоской смотреть в окошко на запущенные трубы.

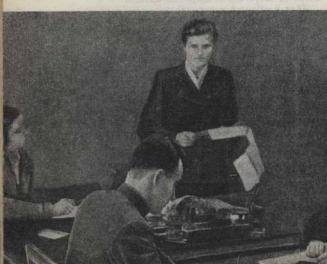
Надежда Ивановна, узнав, что комсомолка Ратникова умеет и любит шить, помогла ей организовать швейной машиной. И сразу же жизнь в семье Ратниковых повернулась по-новому. Шить, правда, трудно, общаться с людьми, участвовать в общественных делах.

Не только добрые советы нужны комсомольцам-фронтникам, и главным образом реальная помощь, чуткое проникновение в обстановку, в которой они очутились ввиду обстоятельств. Но почему мы решили специально рассказать «Об одной швейной машине».

СЕКРЕТАРЬ ВУЗОВОГО КОМИТЕТА

В Сталинском районе расползден один из крупнейших вузов — Московский автомобильный институт. Сегодня на бюро райкома, приглашённые

На заседании бюро райкома. Стоит — секретарь Сталинского райкома комсомола Мария Надеждина Ивановна.

секретаря комитета ВЛКСМ — аспирант института Георгий Покровский.

— Вот вы говорите, — обратился он к киномеханику Шабалину, вступавшему в комсомол, — что любите свою профессию, а знаете ли вы её историю? Знаете ли вы, например, в какой стране и кем было изобретено кино?

Шабалин не знал. Покровский рассказал ему основные сведения по истории кино, и надо думать, молодой киномеханик их запомнил навсегда.

Недавно избранный секретарём комитета комсомола тов. Покровский уделяет много внимания вопросам политико-воспитательной работы в институте, считая главной своей задачей организацию индивидуальной политической учёбы актива. Основы марксизма-ленинизма изучаются в институте на малых курсах, а на старших иной раз оказывается, что многие ребята, студенты изучаются в ответах на самые простые вопросы о государственном устройстве СССР, по международной политике.

В институте ведутся занятия по изучению Устава ВКП(б), кандидатского минимума, истории партии. Комсомольская организация готовит и конференции по работе товарища Сталина «Аваризм или социализм?» и конференции-обсуждение романа А. Фадеева «Молодая гвардия».

«СВОИМИ РУКАМИ»

...Сцена и зрительный зал привлекают внимание изнурённой отдалки. Чувствуется, что здесь возродилась заблужденная рука. Подростки в значительных количествах раскладывают владеть стеной, придираясь поправляя едва заметные дефекты в окраске и лентных украшениях. Это комсомольцы-краснодеревки, штукатуры, резчики по дереву, швейная молоток — ученики Художественного ремесленного училища № 65. Они по собственной инициативе оборудовали сцену и зрительный зал в своём училище, теперь здесь может проводиться членская работа молодежи.

Секретарь комитета ВЛКСМ училища мастер Николай Студенко встретился в райкоме с секретарём другого комитета — артисткой «Швейномонтажа» Александрой Федоровой. Занимательная беседа о том, как комсомольская организация артели откликнулась на решение правительства о развитии кооперации.

— Мы шьём, — говорит Федорова, — предметы необходимости для населения: пальто, ватки, головные уборы. Потому можно побыстрее продать ишить работе значительно более широкий размах. Комсомольцы идут вперед в выполнении новой, расширенной программы. Комсомольско-молодежная бригада Морозовой выполняет план на 125-130 процентов, бригада Шамовой — на 120 процентов. Будем работать много и ещё лучше.

В Сталинском районе ширится движение комсомольцев по организации движения строительным и промышленным предприятиям в выполнении трудовых работ. Так, например, комсомольцы района дали обязательство отработать по восемь часов на постройке здания районного драматического театра.

Видеть, плоды сделанного «своими руками» — видеть счастье. Не пренебрегать никаким трудом — это высокая сознательность, замечательные примеры которой уже не раз показывала наша молодежь.

ОНИ ГОЛОСОВАЛИ ЗА СТАЛИНА

... Никогда не забыть мне 2 января 1946 года. Многолюдное собрание заводского коллектива. Я на трибуне. Хотелось сказать о многом. Сердце переполнено радостью. Мне, рядовому молодому гражданину, выпала честь перед лицом всей Советской страны назвать своим кандидатом и депутатом Верховного Совета СССР своего великого, самого мудрого человека нашей эпохи — Иосифа Виссарионовича Сталина. Я говорил, а мне всё казалось, что мои слова не могут полностью выразить ту безмерную любовь и восторг, ту преданность и благодарность, которые живут в сердцах людей моего поколения.

Следая годами — с августа 1946 года — Виктор Алексеев — замечательный мастер моторостроительного завода, рационализатор, лауреат Сталинской премии, награждённый орденом Ленина. «Седьмая годовая» — заседание выдает его секретарь райкома ВЛКСМ Надежда Иванова.

Мороз, факель, бросающий огненные отблески на белую пелену снега. Дыхание 150 тысяч человек, собравшихся на митинг Сталинского избирательного округа. Народ выдвигал своим кандидатом и депутатом Верховного Совета СССР Сталина. Это были дни небывалого трудового энтузиазма, политической активности. В Сталинской области в честь выборов, в честь товарища Сталина, участво-

Секретарь комитета ВЛКСМ трикотажного комбината тов. Халлундина проводит беседу с молодежью.

Стахановка комсомольской бригады шепкоцкого комбината имени Щербякова Клавдия Скворцова.

вало 600 комсомольско-молодёжных бригад района.

Сейчас комсомольцы готовят снова продемонстрировать свою организованность и политическую активность. Собираются сегодня здесь секретари первичных комсомольских организаций рапортовали о готовности организации ВЛКСМ к выборам в Верховный Совет РСФСР.

РАЙОМ РЕКОМЕНДУЕТ...

— Зачтывало заявление студента МВТУ имени Баумана члена бюро ВЛКСМ Юрия Виноградова, — говорит секретарь райкома — «Пропуск Сталинский районный комитет ВЛКСМ дать мне рекомендацию для вступления кандидатом в члены ВКП(б). Буду настоящим коммунистом и в рядах партии не покинумо Ленинского комсомола, воспитанником которого и являюсь».

Райком настоятельно рекомендует Юрия Вино-

градова в партию. Райком рекомендует также и кандидаты партии члена ВЛКСМ лучшую монтажницу Тамару Климову, бригаде которой за выдающиеся производственные успехи передано на великое звание имени Московского городского комитета комсомола. Райком рекомендует ещё многих избранных... Тех, кто был комсомольцами в высшем значении этого слова, кто в бою и в труде сумел показать на деле беззаветную преданность советскому народу, великой партии Ленина — Сталина.

Напряжённость проходит здесь в Сталинском районном комитете комсомола, и в этом напряжении вы улавливаете чёткий, полнокровный ритм бегущий сердцем молодых патриотов-сталинцев.

Лариса КОГАН

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ ВЫБИРАЯ...

Как звезды, свергают огни городские,
Бескрайны просторы родимых полей.
Мы, граждане славной Советской России,
Гордимся величьем отчизны своей.

При дедах Россия была не такая —
Страна бедоужия, модных углов,—
Шагала, слободы
Под тяжестью черных дубовых орав.

Люба её веркой любовью и горькой,
Художник, бывало, рисует в альбом,
Как символ России, летящую тройку
В белозначных снегах с удавым ямщиком.

Великие годы с тех пор прошумели,
Сквозь бури и грозы, сквозз камни и лёд.
В рабочей спешке, в солдатской шинели
Прошёл эти годы наш русский народ.

И недра нам отдали нефть и железо,
В могучих турбинах задела вода.

Мотор небеса голубые прорезал,
В белозначных снегах поднялся город.

Сады зацветают в невиданной силе,
И море шкоро зыгнут корабли,
В металле и в мраморе наша Россия —
Светлая светлая земля наша.

И символ её — не летящая тройка,
Но дом в три окна с тесовых верст,—
Мотор в небесах над немандальной стройкой,
И Славян, сквозз бури грядущий вперёд.

Нам русский простор по душе и по идею,
Грозными нам кралеи былых советских.
Мы, граждане славной Советской России,
Гордимся величьем отчизны своей.

Мы все её строим от края до края
Смысл беззаветным, успешным трудом.
И снова,

Верховный Совет выбирая,
Мы клягит за верность отчизне даём.

П. МЕЛЬНИКОВ

В ДУБРИНСКОЙ СТЕПИ

После возвращения из лагерей в Барову в Маньчжурии, во время какой-то поездки, дожидаясь поезда на маленькой железнодорожной станции, я купил королевскую газету «Коммуна». Развернул её, я увидел, что вся первая страница занята одной большой статьёй, под которой стояла знакомая подпись: «Ф. Дорощев». В статье обстоятельно, по-красноречиво рассказывалось о любви и преданности ордена Ленина колхозника имени Ильича.

Фёдор Иванович Дорощев был председателем этого колхоза-миллионера, неделимые фонды которого составляли два миллиона четырёхста тысяч рублей, а стоимость основных средств производства превышала полтора миллиона. Колхоз с честью преодолел тяготы войны и оказал фронту большую помощь. Он посылал войнам триста пятьдесят вагонов хлеба, мяса, масла, сорок восемь тысяч штук яиц, полистою одея и обуя завод фронтовиков. И вот теперь, когда остались позади тяжёлые годы, колхозники собрали сил для новой трудовой борьбы. Заглядывая вперёд, они планировали своё хозяйство на следующие пятилетие.

До войны мне довелось побывать в этом замечательном хозяйстве, раскинувшем свои поля, фермы и мастерские на широких просторах Дубринской степи. Когда-то, в дореволюционные годы, здесь была крупная помещичья усадьба. В этих местах работал молодой Горький. Изменения, какие претерпела Дубринская степь с того времени, простё рисуются! Словос, то, о чём несколько десятилетий тому назад страстно мечтал Алексей Пешков.

В Дубринскую степь я поехал после того, как прочёл автобиографический рассказ Горького «Сторож». Мне хотелось тогда самому посмотреть степь, станцию, где работал Алексей Максимович, и, если почастливится, поговорить с аксаками, встречающимися с ним в те годы.

Мне очень хорошо запомнилось начало рассказа: «Я — ночной сторож станции Дубринка, от шести часов вечера до шести утра хожу с ласской в руке около пакгаузов; со степи тысячу шагов идет дует ветер, несущая тучи снега, в этой серой массе медленно плывут тучи и сюда доломовиты, тучко злам, тучко злам, тучко злам, черные зыбные вагоны, как будто кто-то, не спеша, опутывает землю бесконечной цепью

и тащит её сквозз небо, раздробленное в колоду, белою пыль. Вяз железа, вяз сцеплений, страшный скрип, тихий вой носится вместе со снегом».

На гаузово станцию Граде-Царицкой железной дороги Алексей Пешков попал в конце 1888 года.

До того на некоторое время жил в Красноводске у сносы товарища, бывшего якутского сыскальщика Ромаса. Она вместе вели пропаганду среди крестьян. Деревенские кулаки и лавочники встречали его в штыки. В Ромаса стрельцы, сожгли его дом и выкинули дилку. Алексей Пешков, застигнутый пожаром на чердаке, в тулуне вырвался через окою. Дальнейшее скитание привело его на Каспий, в мазодскую степь, в Дубринку. Здесь он и решил переизменить.

Начальник станции определил Пешкова в наварники а ночному сторожу Ивану Черногоору, красному такому парню с печальными голубыми глазами.

— Как же ты так — без одежд, замёрзнешь, зима ведь! — грусто заговорил Иван, разглядывая новичка в лёгком портянковом шубе и худом салогат.— Ветры у нас до костей проножат.

— Первые нояи дежурить вместе. Иван молча слушал чудные рассказы юнца, выдыхал. — Яри привёз сюда. Скучно тут, Алёша. Вот как скучно, — хоть ложись и помирай. И начальник — зверь, боёть по зубам. После дежурства заставлял выпить и колоть дрова, таскать воду, носить ему посуду.

— И здесь полно мерзости. А я думал у нас благодать — тихо, сытно, — ожал Пешков. — Что ты! Господи, ну те живут сытно, — глумо, амелителым голосом возразил Черногоору. — А в Среднем Гагарине мужики и полдестным на едока не имеют.

Из степи несло пургой. У Алексея зуб на зуб не пошёл. Иван жалел юнца, помог ему завернуться в рогову.

— Погоди, я тебе вьюн чупые прынесу, а ты, веровен как, застудился.

И действительно, прынес чупы, тёплые, как валенки. Пешков не мог им назваться. Алёша, или Максимыч, как его ласково звали рабочие, был для этих людей, вынужденных от плужа, темноты и скуды, настоящей находкой. Слушать рассказы Максимыча собиралась все рабоче станция. Чтение книг проходило

обычно под светом фонаря, у пакгауза. Беседовало, спорили. Юноша убежденно говорил: — Будет перелом в жизни! Хозяевами станут трудовый народ, и не узнаете вы тогда свои Дубринские степи.

Слова эти нравились, как сказка. Весной 1889 года Алексее Пешкову минуло двадцать один год. Надо было явиться на призыв в армию. Тепло простившихся, молодые уехали его на площадь го-варного ордена. Поезд давно скрылся из вида, а друзья всё стояли и махали картузами. Черногоору плакал навзрыд...

Обо всём этом я услышал весной 1939 года, во время поездки в Дубринскую степь. Родные, сытые колхозные кони легко несли нас по землям, на которых некогда сирожидали жилища помещиков Бабиных, Гагарин, Алосов, Сомова, граф Орлов-Давидов. Кругом раскинулись постройки колхоза-миллионера имени Ильича. Председатель селекционер-опытник орденосец Фёдор Иванович Дорощев охотно показывал нам богатства, начитанные руками крестьян-колхозников. Гусиный голод скота, несколько десятков из которых залозены в государственную племенную книгу, маслозавод, сыроваренный завод, колхозное производство.

Кроме четырёх ферм и подсобных предпринят колхоз выстроил несколько механических и ветряных двигателей, водородку, шлоду, Родные кони, кони, кони, хабовокирия, электротрансико, вырды арзенянке козоды. Бывший батрак арзенянке Григорий Корнеичев Краснов был избран депутатом Верховного Совета РСФСР первого созыва. Воспитанники колхоза работали директорами МТС, учились в институтах и техникумах. Колхоз-миллионер имени Ильича был представлен на Всесоюзном съезде в 1937 году.

Вечером в доме Фёдора Никаноровича Григорьев собрался старика — старожилы этих мест. Разговор был несколько необычным. Помощники стариков, или крупные партийные, до революции, как живут теперь, в колхозе. Меня не столько интересовали семьи, из которых вышли профессора или крупные партийные и советские работники, сколько обыкновенные, рядовые крестьянские семьи.

РУССКИЕ ЛЮДИ

С первых самостоятельных шагов в жизни Александры и Ивана Бойко мы могли бы проследить в них черты природных черт чисто русского характера: простота, уверенности в себе, гордость, живая радость, большой любви к Родине, к человеку, к жизни.

Труд с детства увлекал Ивана. Частенько он прожигал в плотняцкой кузнице родной Семёновки, приглядываясь к умелой работе мастеров, помогая им. Юноша часто отлучался из дому, проводя весь день на мельнице, у рыбаков, в лесу или на просторах шашки. Он был страстный охотник и рыбак. Любил расштыковать замшелую вязь троп. Он научился по звёздам находить дорогу, по ветру предсказывать погоду, понимать язык леса, воды...

Поэзия, в воинской части, Иван Фёдорович изучил трактор. Грохот, трогался трактор с места, оглянул фирмка, продвигался несколько шагов и опять замолчал. Но под рукой инстинктивного молодого тракториста мотор вновь набирал обороты, и машина плавно выезжала из-под навеса. А через некоторое время рука Ивана легла на баранку руля, мальчуган знакомого «ЗИС». Вновь стукан не отходил боч от идущей его машины и вскоре начал успешно совмещаться с лучшими водителями части. Через год вместе с лембовскими документами Иван Бойко получил удостоверение механика по тракторам и автомобилям.

В эти годы Александра Леонтьевна училась в Химико-технологическом институте пищевой промышленности имени Микояна. Рядом со студенческим билетом она гордо носила любительские права на вождение автомобиля.

Совместная работа на даёской фомке спланила двух русских людей — Ивана и Александру Бойко. Они стали супругами.

«Дорогой Иосиф Виссариович!.. Стремясь ещё больше помочь нашей доблестной Красной Армии, на имеющиеся сбережения в размере 50 тысяч рублей мы желаем приобрести танк и на этой же грозной, боевой машине собственными руками истребить проклятых немцев-фашистских оккупантов... Обещаем Вам, наш любимый отец, что и на фронте мы будем до конца преданы Вам и нашей Родине...»

Александра и Иван Бойко.

И вот почти месяц авиационного ожидания прерывается телефонным звонком. Начальник Дальстроя тов. Никитов вызывает к себе офицера городской автомашы Ивана Бойко и инспектора треста «Колхозснаб» Александру Бойко.

Строгая торжественность шарма в большом кабинете. В напряжённой тишине генерал-лейтенант Никитов прочтает лаконичный текст телеграммы:

«Магдала, Дальстрой.
Товарищу Бойко Ивану Фёдоровичу
Товарищу Бойко Александре Леонтьевне.

Валентарию Васе, Иван Фёдорович и Александру Леонтьевне, за работу о Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Принимите мой привет.

И. Сталин.

9 февраля 1943 года.»

Тишину поистине незабываемой минуты нарушил подражательный начальник Дальстроя: — Товарищи Бойко! На вашу долю выпало большое счастье. Уверен, что вы не посрамите чести дальстроевского коллектива, чести русского человека! — Никитов крепко пожал им руки и, провозгласив: — А когда окончатся войны, приезжайте в Дальстрой.

Слово было дано...

Спустя две недели супруги Бойко входили в здание бронетанковой школы. Начальника школы они увидели во дворе. Его окружали офицеры-педагоги, курсанты.

— Товарищ генерал-майор! Иван и Александра Бойко прибыли для обучения в бронетанковую школу.

Генерал внимательно осмотрел странную пару, затем переспросил фамилию:

— Поймите, поймите... Вы не в Колыме? Я недавно читал о муже и жене, купивших за свои средства танк.

Услышав подтверждение, начальник школы пригласил их в свой кабинет и долго беседовал. На другой день курсанты Бойко приступили к занятиям.

Они начали изучать тяжёлый танк «КВ», который по праву гордится и его создатели и те, кому пришлось им управлять. Затем освоили машину нового типа. И, наконец, перед самым

окончанием училища познакомились с только что выпущенной грозной машиной «ИС-3» «Иосиф Сталин». На ней они и провели всю войну.

Летней гвардейского тяжёлого танкового полка. Ясный, солнечный день. Подразделение выдвинулось для отправки на фронт, замеры по команде «спирно». Генерал-лейтенант Ремизов открывает мишень. Перед лицом всей части молодые офицеры-танкисты Бойко дают товарищескую клятву: бороться за нашу Родину — символ воинской чести и славы как самую дорогую святыню.

У танка с надписью «Патриоты» супруги Александр и Иван Бойко. Командир танка Александр Бойко и старший механик-водитель Иван Бойко занимают свои места в строю. Дорога к цели оказалась. Началась боевая жизнь — Район Великих Лук. Первый бой. Гвардейский полк получил задачу — прорвать оборону противника, отбывая на себя основные силы врага с тем, чтобы дать возможность на решающем участке фронта нанести ему смертельный удар.

— На рассвете, — вспоминает Иван Фёдорович, — наши танки укрепились в засаде. Как и ожидало командование, через некоторое время гитлеровцы пошли в атаку. Пыльные гитлеровские фриры шли напролом, впереди своих танков. Их встретил ураганный огонь. Атака врага быстро захлебнулась. Остатки немецкой колонны повернулись назад в атаку. Пыль и дым первого сражения зыбнушка танка довелись, прощадать длинный боевой путь от Великих Лук до Литвы. На его счету за это время накопилось 5 победных немецких танков, 11 орудий, свыше сотни уничтоженных солдат.

В жестокой битве под Двинском танк Бойко был повреждён. Один снаряд тяжело ранил обоих супругов. После лечения в госпитале командно-предельный им отравлялся на долговосрочный отдых. Оба запротестовали: — Мы русские люди! Иностранец продолжится! — 1945 год, 4-й Украинский фронт. Танки иду по земле Чехословакии. Так уж повелось, что танкисты всюду пригодат первыми.

В бой за освобождение Чехословакии Иван Бойко был вновь ранен. Александра Бойко — контужена. Пока он лечился, она любила в Москве. Страстное выступление на женском антифашистском митинге. Памятная встреча с Вячеславом Мигулайевичем Молотовым и замечательная беседа. Вскоре, кратковременная, возвращение на фронт. Затем — 9 мая. День великого человеческого счастья. Разностное сознание вымолвлено долга...

Первый праздник советских танкистов гвардии старший лейтенант Иван Бойко встретил среди друзей, в родном коллективе Дальнего Севера. Он снова работает сейчас здесь заместителем начальника той же автомашы, которую покинул четыре года назад. Гвардия старший лейтенант Александра Бойко, ныне старший инженер Министерства по строительству военных и военно-морских предприятий, провела этот день в Москве.

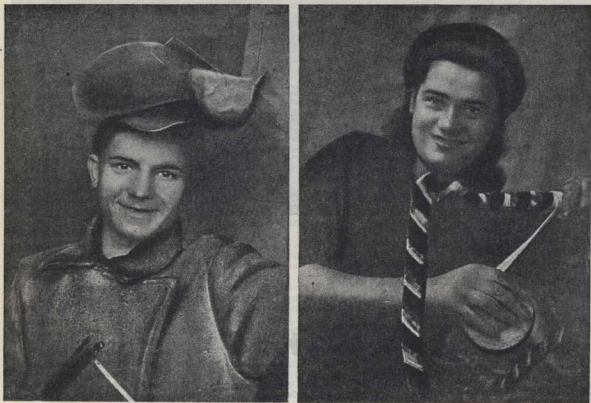
Война окончена. Выросшие, возмужавшие, стоят на своих трудовых постах хозяйственных Иван Бойко и инженер Александра Бойко, дети великого народа.

Вплываешь в форму в Верховный Совет Российской Федерации.

— День 9 февраля — волнующая дата для нас, — говорит Александра Леонтьевна. — Мы будем выбирать верховный орган страны, на процветание которой, как в военные годы, отдадим теперь все силы и знания.

Супруги Бойко умеют держать своё слово.

Молодые стахановцы ленинградского завода «Электросила» (слева направо) Семён Ильин, Валентина Комарова и Михаил Шубиков. Фото И. Липова

Семён Ильин

— Я воспитанник детского дома. Детство моё и юность тесно связаны с коллективом. У меня не было такой семьи, как у большинства товарищей по заводу. Отца и мать мне заменили государство, партия, комсомол. Мой женственный путь очень невелик: детский дом, ремесленное училище, работа на оборонном заводе и, наконец, в апреле 1945 года поступление на наш завод. По профессии я электросварщик. И вот в октябре прошлого года получила грамоту и звание лучшего электросварщицы завода.

Мне 20 лет. Вот уже четыре года как я работаю, и все эти четыре года непрерывно учусь своей специальности. Ремесленное училище дало мне лишь основные знания, необходимые для моей профессии. Здесь, на заводе, я старалась приобрести новое. Конечно, было нелегко, работа отнимала много сил, но я продолжала аккуратно посещать курсы по повышению квалификации и вскоре получила диплом электросварщицы. Помогло мне также и то, что я очень люблю спорт и старалась регулярно заниматься им. Больше всего мне нравится гимнастика и лыжи. Эти два вида спорта позволяют лучше всего отдохнуть после работы. А отдыхать после работы, пусть даже самой утомительной, надо обязательно. В свободное время я с товарищами по общежитию хожу в кино, бываю в театре. Но это в свободное от учёбы время — а занимаюсь в кружке по изучению истории ВКП(б).

1946 год я закончил, выполнив две годовые нормы. В 1947 году намерен выполнять не меньше. Кроме того в 1947 году я наметила для себя два больших дела. Первое из них — получить VII разряд, второе — поступить на курсы мастеров. Это мой план. Я думаю, что его выполню.

ПОБЕДИТЕЛИ

ТРИ БЕСЕДЫ С МОЛОДЫМИ СТАХАНОВЦАМИ

Закончился первый год новой сталинской пятилетки. Со всех концов страны приходят вести о замечательных победах советских людей.

Заканчивается восстановление Днепроэра, развёрнутым фронтом идёт строительство разрушенных сёл и сёлочков Белоруссии, сотни и тысячи заводов и предприятий досрочно закончили годовую программу...

Ленинградский завод «Электросила» известен всей стране. Здесь бегают турбины и генераторы, здесь создаются чудовище машины, с помощью которых рождается могучая сила электричества. Машины с маркой «Электросила» можно увидеть на многих и многих электростанциях страны. Первый год новой пятилетки коллектив завода отметил большими производственными успехами. 793 человека выполняли в этот год по две годовые нормы. Движение «шубиковов» стало массовым явлением на заводе. Почётное место в ряду этого движения принадлежит молодежи.

Мы поведем беседы с молодыми рабочими завода «Электросила», досрочно выполняющими новую сталинскую пятилетку.

Валентина Комарова

— Мне восемнадцать лет. Вот уже три года работаю в цеху изоляторов. Пришла на завод пятнадцатилетней девочкой. Делать ничего не умела, да и боязно было — работа ответственная: майский брак — и выходит из строя весь генератор. А ведь его делает не одна сотня человек.

У нас в цеху произносятся обмотка изоляцией катушек генератора. Работа эта требует большого внимания и точности. Попала я в ученицы к Марии Ильиничне Вязьмовой. Стала она меня учить: как правильно стоять, как держать инструмент, как организовать свой рабочее место. Учила строго. Скоро я стала выполнять норму. Другое удивление: быстро овладела специальностью, — а Мария Ильинична всё недолго была: «Можешь работать лучше». Я и решила не успокаиваться. Присмотрелась к

тому, как работают старые, опытные работницы. Увидела, что многое можно улучшить, если правильно организовать подноску материала, устроить простои. Сама же решила построить свой день так, чтобы не отягачивать, быть более внимательной, экономить движения, работать равномерно, но безостановочно.

Мне очень хочется хорошо работать. Все эти годы связана с металом с заводом. Здесь я вступила в комсомол, стала учиться в школе рабочей молодёжи. Недавно меня выбрали групповым цехом. Это очень ответственная и ловкая работа для меня. Я вспоминаю себя такой, какой пришла на завод, вспоминаю, как учила меня Мария Ильинична, и, помогла только что поступившим на завод девушкам, часто повторяю им ее слова: «Учись, работай! уважение приходит только в труде».

Михаил Шубиков

— Я токарь четвёртого разряда. Выполняю две с половиной годовых нормы. Работаю на точном радальном сверляльном станке. Выполню сложные и ответственные заказы по распердовке колен для генераторов.

Хотя я родился и вырос в Ленинграде, в 1942 году мне пришлось эвакуироваться из города. В эвакуацию и начался мой трудовой стаж. Я стал трактористом и работал в МТС до 1944 года. Работал старательно, удавая много времени общественной работе, вступил в комсомол. Но в мыслях своих я всё время возвращался к Ленинграду — самому любимому городу. В 1944 году мне удалось вернуться в Ленинград, и я поступил работать на наш завод. У меня уже был небольшой опыт работы на станках, и я решил приобрести профессию токаря-сверлящика. Начал с малого, был подручным. Работал, учился у старших, опытных рабочих. Так и выучился. Ведь главное — это желание, а желание работать никогда не покидало меня. Много помогла мне и старая производственная Я и сейчас часто обращаюсь за советом и помощью к мастеру Николаю Дмитриевичу Хлатову. Трудится лет он работает на нашем заводе, и не один я вспоминаю с благодарностью ту помощь, которую он всегда оказывал молодым рабочим.

Недавно меня приняли в кандидаты ВКП(б), избрал членом пленума райкома комсомола. Это большое событие в моей жизни, я постарался отметить ещё лучшей работой на производстве.

Ничего сверхчеловеческого в своей работе я не вижу. Так может и должен работать всякий, кто уважает свою профессию, кто любит своё дело, для которого — родной и близкий сердцу дом.

Столица Албании — Тирана.

С то один пушечный выстрел прогремел 11 января 1946 года над албанской столицей — Тирарой. Этот торжественный салют возвестил конец монархического режима Ахмета Зогу, преобразование Албании в Народную демократическую республику.

Албания — маленькая горная страна, расположенная в западной части Балканского полуострова. На северо-востоке она граничит с Югославией, на юге — с Грецией, на западе её омывает Адриатическое море. Площадь Албании не превышает 33 тысячи квадратных километров, население её — 1,1 миллиона человек. Албания отличается своеобразной и одновременно дикой красотой. Это страна моря и гор, скалистых пещер и пурпурных водопадов, горных насаждений и оливковых рощ. Только узкая прибрежная полоса представляет собой изменчивость, остальная территория Албании гориста.

Земли Албании таит в своих недрах медь, уголь, хромовую руду, богатейшие в мире залежи асфальта. Не эти природные богатства почти не разрабатываются. Чтобы представить себе облик доиндустриальной Албании, достаточно сказать, что 85% её населения веригают, что в стране нет ни одного километра железных дорог, что во всём государстве насчитывалось только три больницы и не было ни одного театра. И не без оснований в учебных географий и справочниках Албания характеризовалась как

Албанский партизан.

отсталая страна, как колючий в самах дикий и трудно доступный уголок Европы.

Тяжелая судьба Албании, отставшая на десятилетия от нашего века бурного развития техники, станет понятной, если вспомнить, что её народ многие века прозябал в рабстве, хотя не раз провозглашались его номинальные независимость. Не изменилось положение Албании и после первой мировой войны, когда Лига наций в 1920 году признала её самостоятельной республикой. Республикой это просуществовала несколько. В 1925 году один из крупных феодалов, Ахмед Зогу, объявил себя президентом Албании, а через три года — королём. Этот новоявленный диктатор был ставленником фашистской Италии, связанным с Муссолини тайным договором.

Муссолини рассматривал Албанию как плацдарм для экспансии на Балканы. Его «мирное проникновение» в эту страну завершилось актом открытой агрессии. 7 апреля 1939 года итальянские войска, по приказу дуче, не нуждавшегося больше в маршальстве, вторглись в Албанию и оккупировали её. В этот трагический для албанского народа день Ахмед Зогу с королевой Геральдиной и принцем Лека позорно бежали из страны.

Окупанты в Тирине, Дурресе, Валоне, Ардикустрозе, Ланге, пушки, тракторы, пулемёты... Но всё это не устрашало маленький безоружный народ, страстно стремившийся к свободе. У жителей этой горной страны, называющих себя «шкнистарми» — «орлятами», пробудилась жажда действия. Началась исповедания героизма эпохей борьбы самоотверженных албанцев с фашистским нашествием.

Люди уходили в горы группами, одlochками. Они находили приют среди покрытых кустарником и редким лесом скалистых холмов. Первые партизанские отряды, «четы» (роты), в горах раздались первые партизанские выстрелы.

Албания с её горами, пещерами, глухими тропинками — идеальной «лабиринтом» для партизанских действий. По мере усиления гнета фашистских оккупантов в отряды партизан вливались новые и новые

Михаил ЛЕСНОВ

Новая Албания

тысячи людей — скотоводы, рыбаки, протаране, раскопщики, земледельцы. Засыла на унылых, горных дорогах, внезапные налёты на обозы, короткие ночные атаки, когда в ход пускались главные обозы, вперны и диверсии, — таковы были методы албанских «орлят», поднимавших на священный борулу за свою свободу.

Это была дерзкая и опасная борьба: небольшие партизанские отряды противоталкивали вооружённые до зубов полки гитлеровцев.

Борулу с оккупантами возглавлял Энвер Ходжа — первый албанский партизан и первый патриот. Когда партизанское движение достаточно окрепло, он снял отряды в батальоны, а затем в бригады и создал единую регулярную тридцатитысячную народно-освободительную армию. Эта армия долгое время скопывалась на Балканах крупными немецкими силами, а на последнем этапе войны лишняя ремейе возможности отступать через албанскую территорию в южной части Балканского полуострова.

Осенью 1944 года, когда Советская Армия победоносно вторглась на запад, албанские войска не мешали в решительное наступление. Победы при Корче, Эльбасане, Тирине вошли золотыми страницами в историю вооружённых сил Албании. Десятьдвухдневной длились бои за Тирану. 17 ноября 1944 года над столицей завязались победные флаги народно-освободительной армии. Но и на этом не закончились боевые операции албанских «орлят». Они продолжали сражаться против немцев на югославской территории, тесно взаимодействуя с армией маршала Тито. Македония, Косово пали. Метехи видели слух и удачу воинов-албанцев.

Мир воцарился в Европе — мир пришёл и в Динарике горы. Албанские партизаны возвращались к своим домам. Мир и свобода дорого достались этой маленькой стране. 40 тысяч участников движения сопротивления пали в боях с итальянцами и немцами. Окупанты сожгли десятки тысяч домов, сранили с землей целые селения. Многие ушерб внесли свои хохиньство страны.

В огие шестилетней борьбы с за-

Фото Р. Кармана и О. Кюррпина

хотничками развилась новая, демократическая Албания. Впервые за всю свою многовековую, исполненную мух и страданий историю этот малочисленный, но полный жизни народ взял судьбу свою в собственные руки. В середине 1942 года, в разгар борьбы с оккупантами, образовался Комитет народного освобождения Албании. После освобождения страны были сформировано временное демократическое правительство, возглавляемое генерал-полковником Энвером Ходжа. В конце 1945 года в стране состоялись выборы в Учредительное собрание, а 11 января 1946 года Учредительное собрание, выполняя волю всего народа, провозгласило Албанию республикой.

Проект республиканской конституции обсуждалась всей страной. Чтобы понять характер новой албанской государственности, следует ознакомиться с этим документом. В Албанской народной республике, говорится в конституции, вся власть исходит от народа и принадлежит народу. Реки, как источник электричества и пути сообщения, моря, радостяния и банки являются всенародным достоянием. Внешний торговля находится под контролем государства. Частная собственность и частная инициатива в промышленности гарантируются. Земли принадлежат тем, кто её обрабатывает. Женщины имеют одинаковые права с мужчинами. «Семейные общества, свобода

Девушки горной деревни Дарда в Южной Албании.

брака и семья находится под защитой государства. Всем гражданам гарантирована свобода слова, печати, собраний, а также свобода митингов. Начальное образование обязательное и бесплатное. Школа отделила от церкви. Защита родины — долг чести каждого гражданина. Велика повинность обязательна для всех граждан. Национальные меньшинства обладают всей полнотой прав.

После всенародного обсуждения и внесения поправок, выдвинутых на конференциях и митингах, Учредительное собрание приняло конституцию Албанской народной республики.

Прошло только два года со дня освобождения Албании от ига оккупации. Но сколько чудесных перемен произошло! Этим интересным войной государством! Прежде полторы сотни албанских помещиков владели 75% пахотной земли. Теперь земель владеет тех, кто обрабатывает — крестьяне, фирмы, созданные агентами Муссолини, национализированы.

Народ с радостью отдался мирному труду, впервые почувствовал, что принадлежит не на иностранных фабриках и без-феодала, а на себя.

Ростки новой жизни можно наблюдать сейчас в Албании буквально повсюду. «Лед произвильности» одна из колхозских газет, рассказывая о радостном подъеме, который царит среди албанцев. Рабочие выдвинули добычу угля, нефти, руды. Возвели на электромашинно-тракторные станции. Частично восстановлено портов. Частично возобновить связи с зарубежьем. Люди жадно тянутся к культуре, театру. Но всей стране открылись курсы по ликвидации безграмотности, на которых обучаются рабочие, ремесленники, крестьяне, горцы. Отчетливым министерством просвещения первые 30 тысяч албанцев для взрослых немедленно вышлись. За последние год в стране открыто в два раза больше начальных школ, чем за 19 довоенных лет. Число средних школ увеличилось с 3 до 20. Открываются больницы, дома для слепот, лагеря для детей партизан, самодеятельные театры, родильные дома. В декабре начались занятия в первом в стране педагогическом институте. Никогда не переживала Албания такого бурного, радостного времени.

«Ключом был энергия раскрепощенного народа». В докладе спондирических говорилось: «Работы организации в Албании нет». Сейчас существующие немногие большие дома албанские профсоюзны насчитывают 30 тысяч человек. По всей стране развили каучуковую деятельность комитеты демократического фронта. Огромную роль в жизни республиканцев играет массовая молодая организация «Брань». «Нет такой общественной инициативы, — писал из Тираны корреспондент болгарской газеты «Отчетствен фронт» — которую с энтузиазмом не подхватила бы и не довела бы до конца албанская молодежь».

И действительность выдвигает на первый план и энергию молодежи. Они экономят «неумолимо» работу в области земледельческой реконструкции страны. Едва в прошлом году возникли в ряде южных районов добровольные сверхурочные добровольный труд. Молодежь бригады города Корча обработала 400 тысяч часов. Молодежь Валоня создала пять бригад и два батальона

добровольного сверхурочного труда. Юноши и девушки Берета отработали по миллиону часов. Молодые патриоты, вчера сражавшиеся в горах балканских стран, сейчас с увлечением отдали труду-строительству своего народного государства, подвиги его хозяйств и культуры.

В октябре прошлого года состоялся III конгресс народной молодежи Албании. В Тирану съехались гости — представители молодежи всех балканских стран, Франции, Австрии, Венгрии, Соединенных Штатов Америки. Генеральный секретарь союза молодежи Албании, объявившего участие 100 тысяч юношей и девушек, Лери Белишова сделала обзор истории югославского движения за последние годы. Первый конгресс албанской молодежи, заявила она, призвал молодежь силой оружия освободить свою родину от фашистских захватчиков. Второй конгресс призвал программу участия молодежи в восстановлении разрушенной страны. Нынешний конгресс решает главным образом проблему воспитания молодого поколения.

Лери Белишова призвала молодежь быть слюбой и единой в борьбе против внешних врагов, социально-экономической отсталости, феодальных и родовых пережитков. «Настало время, — сказала она, — чтобы все албанские девушки сняли чадры и вышли за учебу и работу».

Яркую речь произнес на одном из заседаний конгресса премьер-министр Албании Эвер Хожа. Советско-албанский союз молодежи и девушек к строительству молодого демократического государства. «Албанская молодежь», — заявил премьер-министр, — оказалась в центре мировой борьбы, и теперь работает во имя счастья своего народа. Она активно участвует в выполнении задач, стоящих перед партией и государством. Молодежь новой Албании, воспитанная в духе героизма, оказывает большую помощь демократическому фронту в возрождении и обновлении страны».

Страна идет быстрыми шагами вперед. Но и темные силы прошлого не хотят сдаваться. Прислелен Ахмед Зогу, шимны из «Службы военной информации», неузату, которые в 1940 году зашли в колокола, признают победы немецкой армии, помещаются в тюрьмы, а некоторые, верные торжеству, не оставили надежды вновь захватить албанский народ. Органы народной защиты Албании недавно разоблачили антинародные террористические шайки, готовившие убийство руководителей албанского правительства и восстановление монархического режима.

Новая Албания, показавшая беззаветную преданность делу свободы, свои демократические устремления, препарила из ялока раздора между державами в один из больших мира и согласия, готовящие убийство руководителей албанского правительства и восстановление монархического режима. Инициативы и открыто требующих присоединения Южной Албании к Греции. Албанский народ хочет мира, но не в условиях присоединения к какой-либо державе. Постоянным тренером Ботвинника Вячеслав Васильевич стал в 1936 году. С тех пор Рагозин систематически — за исключением 1941 и 1942 годов, когда он в каче-

М. М. Ботвинник и В. В. Рагозин.

Фото Г. Борисова

П. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ТРЕНЕР ЧЕМПИОНА

...Шумно и весело бывало обычно в доме механика Балтийского завода В. Рагозина. К старшим сыновьям его — студентам — почти каждый день приходил сверстник. Молодежь любила поиграть, любила потанцевать, но больше всего увлеклась шахматами. М. Рагозин часто устраивался, турниры, и тогда возле игроков неизменно появлялся младший Рагозин — пятнадцатилетний Вячеслав. Ему страстно хотелось научиться играть. Но никто из студентов не желал тратить времени попусту: что подросток поигрет в шахматы! В конце концов братья все же уступили просьбам мальчика и дали ему несколько уроков. С тех пор Вячеслав стал ревностным участником всех домашних турниров. И как-то же было общее удивление, когда через короткий срок юный Вячеслав стал обыгрывать всех партнеров: в том числе своих недавних учителей!

В начале 1925 года в дендропарковой средней школе № 52, где обучался Вячеслав Рагозин, состоялся шахматный турнир. В нем участвовало 50 школьников. Николай Ложек В. Рагозин не знал таких великих побед, как в этом турнире: он выиграл все 49 партий, набрав 49 очков из 49 возможных. Через год, окончив школу, Вячеслав, к тому времени уже первокурсник, встретился за шахматной доской с Михаилом Ботвинником, в те дни тоже шахматистом первой категории. Борьба была чрезвычайно острой, но эта первая встреча положила начало крепкой дружбе, которая сыграла большую роль в восхождении. И осли из них — Рагозин — на многие годы стал тренером другого.

Первый раз М. Ботвинник и В. Рагозин тренировались вместе в 1929 году, готовясь к одному из провинциальных чемпионатов. Постоянным тренером Ботвинника Вячеслав Васильевич стал в 1936 году. С тех пор Рагозин систематически — за исключением 1941 и 1942 годов, когда он в каче-

стве офицера Советской Армии находился на Ленинградском фронте, — тренирует шахматного чемпиона к первенствам СССР и в комсомольском составе, в которых Ботвинник участвует.

Как же проходит тренировка? К каждому шахматному составлению М. Ботвинник подготавливает три-четыре дебютные схемы за белых и столько же — за черных. Те из них, в правильности которых он не уверен, проверяются в виде тренировок. Рабочий день тренера и чемпиона обычно начинается с того, что партнеры поочередно анализируют очередную дебютную схему. Затем, после короткого отдыха, разрабатывается уже настоящая партия. Играть с часами, как в турнире или матче. Основные условия — каждая тренировочная партия должна проходить в такой же спортивной борьбе, как и турнирная. Партия продолжается до конца, независимо от того, правильно ли был разыгран данный дебют. Вечером партнеры поочередно анализируют сыгранную партию. Иначе своего анализа сопровождается ожесточенными спорными, каждая отступает свое очко времени. Другой вид тренировки — это разыгрывание позиций, взятых Ботвинником из практических партий.

Но в чем бы ни состояла тренировка, это большая, напряженная умственный труд — иногда по 9—10 часов в день. Такая подготовка к соревнованиям происходит ежедневно около месяца. За год тренировок Ботвинник разработал, проверил с Рагозиным и применил в турнирах до 70 новинок!

Подготовка к турниру требует еще и физической закалки. Ботвинник в этот период, кроме обычной утренней гимнастики, много занимается спортом. Зимой чемпионы и тренер катаятся на коньках, ходят на лыжах, летом в выходные дни городки или совершают прогулки на лодке.

Самой собой разумеется, что такой совместный анализ и тренировочные партии полезны и для са-

мого В. Рагозина. Своей блестящей, тоя в первые годы и не всегда ровной игрой, он завоевал широкую популярность как один из талантливейших шахматистов страны. Рагозин — неоднократный участник чемпионатов СССР и международных турниров. Из его успехов в минувшем году можно отметить первое место, занятое в турнире в Халаскине (Вильямана), и победу с убедительным счетом 8:4 в квалификационном матче с грошестроителем Болдариным; за эту победу Рагозину присуждено звание грошестроителя СССР.

Однако не каждый хороший шахматист может стать тренером: необходимо, чтобы между партнерами существовало и подлинное творческое содружество и кроме того полное доверие со стороны тренирующегося. Это понятие: ведь шахматист допускает тренера в

свою творческую лабораторию, знакомит его со своим методом работы, с самым процессом своего шахматного мышления. Именно такое доверие существует между Ботвинником и Рагозиным.

Ботвинник и Рагозин нередко участвуют в одних и тех же шахматных составах. Им одновременно и очень легко и очень трудно играть друг против друга. Приходится забывать о всех дебютных новинках, так тщательно подготовленных в дни тренировок. Но партии их обычно проходят в острой, упорной и очень интересной борьбе. Любопытно, что Рагозину не раз удавалось получать лучшую позицию, но ни разу за 20 лет он не добился победы. Чем это можно объяснить? Ведь Рагозин прекрасно изучил стиль и манеру игры Ботвинника. «Ничего не поделаешь», — говорит тренер, — оче-

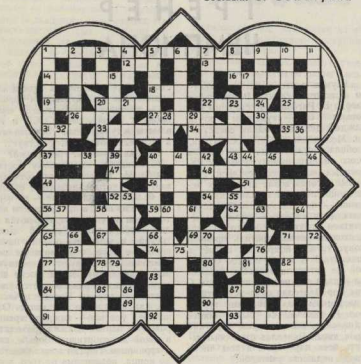
видно, Ботвинник изучил мою игру еще лучше...»

Мы мало что знаем о тренеровских зарубежных грошестроителях: они предпочитают держать в секрете методы своей подготовки. Известно, например, что Эйве в течение нескольких лет перед войной тренировался с мастером Кломош, что иногда тренировался зарубежных шахматистов организовались короткими матчами. Беспорядо, однако, что история шахмат до сих пор не знала такого длительного содружества тренеров, как и Рагозина с Ботвинником. Беспорядо и другое: не было еще случая в зарубежной практике, чтобы тренер так охотно делился своим большим и плодотворным опытом в области тренировок, как это делают Ботвинник и Рагозин.

КРЕКССВОРД

Составил О. Золотухин

По горизонтали:

- Группа родственных народов.
- Человек большой физической силы.
- Наука, изучающая сельскохозяйственную культуру.
- Ливневое расположение предметов.
- Деталь установочного звена.
- Имя женщины.
- Письменная принадлежность.
- Река в Сибири.
- Термин.
- Головной убор.
- Прыжковое кольцо.
- Неизвестная величина в математике.
- Название ледяной гавани.
- Член корабельной команды.
- Деталь софитной системы.
- Поразительный успех.
- Название первого пушка на Руси.
- Порт Охотского моря.
- Участник боя быков.
- Род речного судна.
- Восматрицатый.
- Томат.
- Старинный русский женский головной убор.
- Рыба.
- Отделение чести.
- Крупнейший финляндский живописец.
- Электрическая единица.
- Разделчивание.
- Вид художественной прозы.
- Отсут-

- аление русла реки.
- Молодой побег на дереве.
- Единица работы.
- Граница леса.
- Степная ступка из восьми строк.
- Эпоха.
- Пьеса А. Н. Островского.
- Оскопление.
- Утиль.
- Сорт сахара.
- Спортивный термин.
- Водное растение.
- Уклад жизни.
- Часть пети.
- Насекомоядое растение.
- Человек, слепой из-за болезни, не учащий в учебном занятии.
- Ряд поколений от одного предка.
- Земельная мера в Англии.
- Цент.
- Металлический значок.
- Линия на метеорологической карте.

По вертикали:

- Служащий госпиталей.
- Разрушение морен берегов.
- Хорошо видосный.
- Хвойное дерево.
- Барометр в Орсен седла.
- Хирургический инструмент.
- Разновидность эсперанто.
- Отнонок голоса.
- Примечание автора.
- Спортивный термин.
- Детская единица в Болгарии.
- Крюк буксирного

- парохода.
- Минера.
- Приность.
- Устройство для обработки металла.
- Капелла.
- Удьявление.
- Сказание.
- Верхний ярус в театре.
- Женское имя.
- Английская мера длины.
- Военный специалист.
- Приток.
- Трава, встречающаяся на скошенном поле.
- Желтый сахарный песок.
- Изолятор.
- Бухгалтерский термин.
- Мера веса.
- Хозяйственная постройка.
- Рыснаты лошади.
- Бухарь.
- Вокальное произведение.
- Искусственное растение.
- Вид спортивного состязания.
- Пыль.
- Землетрясение.
- Область в Южной Азии.
- Молочный продукт.
- Запрещение ввоза или вывоза.
- Быстроходное судно.
- Заторный дождь.
- Образ вышедших животных.
- Условное изображение понятия.
- Разнообразие.
- Воздух из-за границы.
- Тявль.
- Неудачный удар по мячу.
- Часть судна.
- Полуостров.
- Озеро в Северной Америке.
- Число.

Ответы

(К проследит, написавшему в № 21-22)

- ПО ГЕРТИКАМ: 1. Идиолог. 2. Трагедия. 3. Игрок. 4. Армия. 7. Колумб. 9. Афанасий. 10. Иск. 11. Гуголь. 12. Вояка. 14. Мокш. 15. Гуголь. 16. Буффон. 19. Коммуна. 25. Соединение. 26. Соединение. 27. Колье. 34. Тур. 35. Рыба. 37. Колье. 38. Афанасий. 39. Салли. 41. Репро. 42. Баженов. 47. Баженов. 48. Божество. 49. Пилотаж. 54. Кат. 55. Маг. 56. Тур. 57. Репро. 58. Пила. 83. Тур. 64. Афанасий. 65. Кулак. 68. Альфа-1. 69. Тур. 72. Приток. 74. Вояка. 75. Кат. 76. Куплет. 80. Маг. 81. Кат. 82. Яма. 83. Тур. 84. Рубль. 89. Салли. 90. Болонья. 91. Гуголь. 92. Матрица. 93. Вояка. 98. Ром. 100. Галле. 101. Афанасий. 102. Афанасий.
- ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Идиолог. 2. Идиолог. 3. Трагедия. 4. Игрок. 6. Армия. 7. Колумб. 9. Афанасий. 10. Иск. 11. Гуголь. 12. Вояка. 14. Мокш. 15. Гуголь. 16. Буффон. 19. Коммуна. 25. Соединение. 26. Соединение. 27. Колье. 34. Тур. 35. Рыба. 37. Колье. 38. Афанасий. 39. Салли. 41. Репро. 42. Баженов. 47. Баженов. 48. Божество. 49. Пилотаж. 54. Кат. 55. Маг. 56. Тур. 57. Репро. 58. Пила. 83. Тур. 64. Афанасий. 65. Кулак. 68. Альфа-1. 69. Тур. 72. Приток. 74. Вояка. 75. Кат. 76. Куплет. 80. Маг. 81. Кат. 82. Яма. 83. Тур. 84. Рубль. 89. Салли. 90. Болонья. 91. Гуголь. 92. Матрица. 93. Вояка. 98. Ром. 100. Галле. 101. Афанасий. 102. Афанасий.
- ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Идиолог. 2. Трагедия. 3. Игрок. 4. Армия. 7. Колумб. 9. Афанасий. 10. Иск. 11. Гуголь. 12. Вояка. 14. Мокш. 15. Гуголь. 16. Буффон. 19. Коммуна. 25. Соединение. 26. Соединение. 27. Колье. 34. Тур. 35. Рыба. 37. Колье. 38. Афанасий. 39. Салли. 41. Репро. 42. Баженов. 47. Баженов. 48. Божество. 49. Пилотаж. 54. Кат. 55. Маг. 56. Тур. 57. Репро. 58. Пила. 83. Тур. 64. Афанасий. 65. Кулак. 68. Альфа-1. 69. Тур. 72. Приток. 74. Вояка. 75. Кат. 76. Куплет. 80. Маг. 81. Кат. 82. Яма. 83. Тур. 84. Рубль. 89. Салли. 90. Болонья. 91. Гуголь. 92. Матрица. 93. Вояка. 98. Ром. 100. Галле. 101. Афанасий. 102. Афанасий.

На первой странице обложки: «Все на выборы!» — рисунок художника Виктора Иванова.

На четвертой странице обложки: «У колхозного агитпульта» — фото Г. Борисова.

На первой странице: «Новгород бал в Доме культуры Министерства тяжелой промышленности» — фото Г. Борисова.

Оформление номера художник В. Урина.

РОДНОЙ СЕВАСТОПОЛЬ

Музыка В. Макарова

Слова С. Алымова

Здесь засияла над крымской землей,
Над морем раскинулась суверенной ночью,
Блеснул на мачтах, над синей волною,
Краса Черноморья, наш город родной.

Припев:
Долгие бугры, жемчужные горы,
Высокий, далайский огонь маяка,
Зат Черное море — широкое море,
Родной Севастополь — любовь моряка!

Здесь кровью святой вылиты улицы,
Здесь славою овеян беглый батальон,
Здесь тусклоя боссоватыя джунгли матросов
И бой за свободу отчаянья войск.

Припев:
Долгие бугры, жемчужные горы,
Высокий, далайский огонь маяка,
Зат Черное море — широкое море,
Родной Севастополь — любовь моряка!

Шумит на высоте эскадры травы,
Страда от удара над морем маяк,
Столовая морская еще мальчишкой
И не в.

Идут корабли в черноморском просторе,
Матросская несли над морем вышит,
Ты наше выжеси, широкое море,
Свободу твою черноморцам транзит.

Припев:
Долгие бугры, жемчужные горы,
Высокий, далайский огонь маяка,
Зат Черное море — широкое море,
Родной Севастополь — любовь моряка!

Цена номера 2 руб.

